

Артмоб

ЗИМА
В
ИМПЕРИИ

ВАЛЕНТИН ДЕНИСОВ

КНЯЖНА-
ПОПАДАНКА

НА ОСТРИЕ СОБЫТИЙ

Валентин Денисов

Княжна-попаданка на острие событий

<https://litres.ru/74445999>

Аннотация

Из кареты скорой помощи — в операционную начала двадцатого века. Да, не на такое дежурство я рассчитывала. Но и в новом для себя времени смогу добиться успеха. Тем более что рядом будет первая в истории Российской Империи женщина-врач, а на подхвате сама императрица Александра Федоровна.

Ну что ж, подайте скальпель, ваше величество!

В тексте:

✱# неунывающая попаданка

✱# властный герой — отважный капитан и его брат

✱# детективная линия

Выкладка через день

Содержание

Глава 1 Скальпель, ваше величество!	5
Глава 2 Новая реальность	10
Елизавета Павловна	16
Глава 3 Планы на будущее	18
Ольга и Татьяна Николаевны	24
Глава 4 Вера Гедройц	29
Глава 5 Шанс	36
Глава 6 Объяснения	42
Глава 7 Ее императорское величество	47
Глава 8 Капитан Корсак	54
Глава 9 Рабочее утро	62
Глава 10 Начинать так с малого	67
Глава 11 Брат	72
Виктор Сергеевич Корсак	77
Глава 12 Восторг	79
Глава 13 Шрейдер	84
Глава 14 Здорова	89
Глава 15 Поездка к озеру	94
Глава 16 Веселье	100
Глава 17 Признание	105
Глава 18 Прогулка	110
Глава 19 Рык	115
Глава 20 Непонятное поведение	120

Глава 21 Какая еще любовь?	125
Глава 22 Показалось	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1 Скальпель, ваше величество!

— Ведите осторожнее, пожалуйста. А то до пациента мы так и не доедем, — прошу водителя, в очередной раз пугаясь резкому повороту.

— Не бойся, прорвемся! Я за рулём уже двадцать с гаком. Чувствую машину, словно она — продолжение меня.

— И все равно мне страшно, — делаю очередную бессмысленную попытку достучаться до мужчины, но понимаю, что это только напрасное сотрясание воздуха.

Вжимаюсь сильнее в кресло и хватаюсь за его боковины дрожащими пальцами. И как в таком состоянии на вызов ехать?

Но я прекрасно помню, что поменяться сменами была моя идея. Я должна была выходить на дежурство завтра и тогда бы не попала в пассажиры этого «Шумахера». Так что грех жаловаться.

На очередном крутом повороте закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на приятном.

Представляю себе чистую и уютную однушку, ключи от которой должна получить завтра. И тогда уже не будет никакого съема. Только двадцать с небольшим лет ипотеки и личная собственность.

От мысли, как буду кружиться от счастья по просторной комнате, даже улыбаюсь. На мгновение забываю о происходящем вокруг, о непонятной и никому не нужной гонке.

Но спустя мгновение из радостных мыслей меня вырывает визг колес и ругательства водителя.

— Да куда же ты лезешь, твою-то мать?! — причитает он.

Открываю глаза, чтобы понять, что вообще происходит, но не успеваю разобраться, как машину закручивает и она отправляется в занос.

Успеваю бросить беглый взгляд на сражающегося с рулем водителя, а затем следует удар. Глухой. Громкий. Болезненный.

Все вокруг начинает вертеться. Ремень безопасности вгрызается мне в плечо, стараясь разорвать плоть. Стук и гул царят вокруг.

Чувствую, как внутри что-то хрустит. Все мое тело наполняет боль, словно всю меня целиком пропускают через мясорубку. Но сознание не оставляет меня до самого конца, до самой остановки.

А затем — тьма.

Мгновение. Еще мгновение.

Кажется, я все еще в сознании, но боль становится какой-то отдаленной, словно не моей.

Делаю глубокий вдох, но тут же жалею об этом. Мои собственные ребра шипами вонзаются мне в живот.

Но все же, я дышу!

Не знаю сколько проходит времени. Не знаю, как долго я лежу в тишине. Но в один момент ее разрывает скрежет металла и чьи-то властные крики.

— Режь перегородку! Ее сдавило, нам нужно освободить ее...

— Тащи... Тихонечко... Вот так...

Чувствую, как дышать становится легче. Но боль приходит с новой силой и холод... холод пронизывает меня, словно для чего-то меня запихнули в морозилку.

— Носилки! Быстрее в карету ее! — продолжают раздаваться команды над моей головой.

— Господи! Да как же их так угораздило-то? — раздаётся встревоженный женский голос — наверное, дежурного врача скорой помощи.

Дальше все разрывается на куски. Мое сознание мутнеет и лишь отдельные моменты фиксируются в памяти, демонстрируя, насколько все плохо.

Надо мной кто-то суетится, что-то делает. Но мне нет до этого разницы.

Толчок и меня перекалывают на каталку. Куда-то везут.

Прямо перед глазами мелькает множество ламп. Они будто освещают мой путь. Но куда он ведет? Неужели к концу?

— Баринова Марина Николаевна, сорок девять лет. Множественные переломы, внутреннее кровотечение, — кто-то говорит про меня очень страшные слова, но у меня не хватает сил, чтобы испугаться.

— В операционную! Срочно!

На некоторое время проваливаюсь в темноту. Но вскоре она разрывается, ярким светом прожектора.

— Зажим! Тампон! Скальпель! Дайте мне скальпель! — раздается сверху грубый женский голос хирурга.

От осознания, что нахожусь в руках профессионала, становится легче. Да и вообще я чувствую себя как-то иначе. Словно все полученные травмы зажили сами собой и меня остается только немного подлатать.

Неужели это действие анестезии?

Прежде мне не приходилось бывать под наркозом. Да и операции каким-то чудом миновали меня. Но я слышала, что люди совершенно по-разному реагируют на действие анестезии. Вплоть до галлюцинаций.

Может быть и у меня что-то подобное?

— Я не могу все делать сама, — продолжает женщина голосом, не терпящим промедления. — Дайте мне скальпель, ваше величество!

Последние слова отрезвляюще бьют по сознанию. Ваше величество? Я не ослышалась?

Каким-то чудом открываю глаза и пытаюсь понять, что вообще происходит. Но все вокруг, словно в тумане. Лишь яркий свет лампы проступает сквозь пелену.

И эта лампа... Она совершенно не похожа на хирургическую...

Зато реакция нависающего надо мной хирурга не оставля-

ет сомнений в том, что происходит именно операция. Ведь уже в следующее мгновение она сильнее прижимает маску к моему лицу, и я проваливаюсь в глубокий сон.

Глава 2 Новая реальность

Спустя три месяца

За три месяца привыкнуть можно к чему угодно: к новому месту жизни, к новым правилам и даже к новому имени. Вот только принять и смириться с тем, что теперь я нахожусь в чужом теле, да еще и в начале двадцатого века, у меня никак не получается.

Все, что я помню из уроков истории о тысяче девятьсот шестнадцатом годе — что была война. Первая мировая. И я несказанно рада, что мне довелось попасть не куда-нибудь на фронт, а в Царское село, ютившееся под боком Петрограда.

И ко всем этим названиям мне так же теперь приходится привыкать.

— Доброе утро, Елизавета Павловна, — молодая девушка в пышном платье с копной волос на голове, входит в палату с кувшином с водой и кивает мне в знак приветствия.

— Здравствуйте, ваше высочество, — тут же сажусь на кровати и делаю серьёзное лицо.

Привыкнуть к тому, что рядом все время крутятся дочери Николая Второго, неустанно контролируемые его супругой, самой императрицей Александрой Федоровной оказалось почти невозможно. Ведь сам факт встречи с членами императорской семьи никак не укладывается в голове. Но все же я нашла в себе силы сделать это.

— Как вы сегодня себя чувствуете, — спрашивает, ставя графин на стол и наливая мне стакан воды.

— Замечательно, Ольга Николаевна, — отвечаю с уважением. — С нетерпением жду, когда мне позволят присоединиться к вам.

Непривычно обращаться к молодой девушке на «вы», ведь я привыкла, что так обычно обращаются ко мне. Но ведь теперь, в новом теле, мне всего двадцать три года, что делает меня лишь несколькими годами старше старшей дочери императора.

— Вера Игнатьевна велела передать, что лично объявит вам об этом, — отвечает девушка, словно говорит о большом начальнике. Но разве кто-то может быть таковым для нее?

— Ах, скорее бы уже это произошло, — вздыхаю я. — Мочи уже нет лежать на кровати, теряя дни. Мои руки могут пригодиться в нашем общем деле.

— Здесь все решает Вера Игнатьевна, — щебечет девушка. — Ее величествой наказали во всем слушаться ее и не перечить.

— Возможно, оно и правильно, — невольно соглашаюсь с наказом императрицы.

Настолько я помню из курса лекций, женщина, с которой мне предстоит столкнуться, и с которой я рассчитываю работать, особой нежностью не славилась. Она всегда была строга и не давала послаблений две членам императорской семьи.

И это чудо, что она согласилась рассмотреть мою канди-

датуру, ведь мне совершенно не известно, имела ли настоящая Елизавета Павловна склонность к медицине.

Зато мне безумно интересно поработать с первой женщиной хирургом. Как знать, возможно она сможет меня чему-нибудь научить.

Даже несмотря на то, что медицина в моем времени ушла далеко вперед.

— А вам, Елизавета Павловна, отдыхать да восстанавливаться надобно, — переключается княжна. — Вам ведь чудом выжить удалось. Незачем здоровьем попусту рисковать.

— Так зажил ведь шов, Ольга Николаевна, — не соглашаюсь я. — Давно зажил и не тянет уже. Знать, пора уже пользу нести, да жизнь отрабатывать.

Не могу с ней согласиться. Если бы я в своем времени так хорошо вылечилась, наверняка бы уже работать отправили, поскорее больничный закрыв. А тут не дают, боятся все за меня.

— Оно-то дело хорошее, — качает головой княжна. — Да вот только стоит ли переутруждать себя, когда нужды особой нет?

— Да я же перетруждать себя не намерена. Я только и хочу, что поработать чуточку, да показать, что способная.

— Коли Вера Игнатьевна решит, что посмотреть готова, немедля посмотрит. А сейчас отдыхать вам нужно, да восстанавливаться.

— Но вы хоть можете передать ей, что рвусь я людям по-

могать? — прошу сделать хотя бы что-то.

— Передать-то я, конечно, передам, — как-то неуверенно произносит княжна. Даже и не скажешь, что она дочь самого императора. — Да только решать все равно все Вера Игнатьевна будет.

— Спасибо вам на этом, Ольга Николаевна, — кланяюсь, насколько это можно сделать, сидя на кровати.

— Не за что вам меня благодарить. Я же вижу, что сердце у вас чистое. А маменька говорит, что людям с чистым сердцем всегда помощь оказывать надобно. Ведь добро с ними в ногу идет.

— Верно, что идет, — соглашаюсь с этими словами. — И хочу, чтобы оно и дальше рядом шло.

— Обязательно будет идти, — улыбается девушка. — Никуда оно от вас не денется.

С этими словами великая княжна покидает мою палату, оставляя меня наедине с мечтами и надеждами.

Целых три месяца ушло на мое восстановление. Целых три месяца на то, чтобы залечить раны, нанесенные напавшим на Елизавету Павловну волком. И лишь чудо не дало хищнику успеть разорвать ей внутренние органы.

Вот только никакое чудо не способно оказалось спасти меня саму, меня настоящую.

Поднимаюсь с кровати и иду к зеркалу. Хочу посмотреть на то, что со мной стало, кем я теперь являюсь. Посмотреть на образ, который теперь мне предстоит считать своим.

Чуть больше двух месяцев назад я впервые увидела молодое и невероятно красивое лицо Елизаветы, свое новое лицо. Но несмотря на всю красоту и молодость, увиденное меня шокировало.

Несколько дней тогда я приходила в себя. Несколько дней я оплакивала себя саму, свою прошлую жизнь, пыталась смириться с утратой. Я не хотела верить, что это правда, искала хотя бы намеки на то, что это всего лишь страшный сон.

Но все же реальность оказалась слишком правдоподобной. Как и ощущения от нее.

Мне пришлось принять себя новую, смириться с новым для меня временем. Я смогла поверить в происходящее.

Значит теперь смогу и начать новую жизнь.

Главное, чтобы и остальные позволили мне это сделать.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в свою новинку, наполненную историческим антуражем начала 20 века. В этой книге вас ждет налаживание быта бывшего врача скорой помощи, а ныне сестры милосердия княжны Елизаветы Павловны Ракитиной. ей предстоит встретиться с императрицей, поработать вместе с первой в Российской Империи женищиной-врачом, ну и конечно же найти свою любовь.

Буду очень рад если вы добавите книгу в библиотеку, подарите ей звезды, и, конечно же, не забудете подписаться на автора (то есть на меня).

Ну а как выглядит Елизавета Павловна, вы сможете увидеть, если перейдете на следующую главу)))

Елизавета Павловна

Наша героиня попала в тело княжны Елизаветы Павловны Ракитиной. Девушка совсем недавно приехала в Петроград и не успела привыкнуть к городу и его окрестностям, как попала под скальпель Веры Игнатьевны Гедройц.

Глава 3 Планы на будущее

В ожидании я провожу еще около недели. Ольга Николаевна неустанно навещает меня, принося воду, еду и кормя обещаниями.

Княжну можно понять. Она ничего не знает и говорит лишь то, что думает и что велит ей сердце.

Но мне от этого не легче.

Периодически сестру подменяет Татьяна Николаевна — ее девятнадцатилетняя копия и любимица императрицы. С ней у нас беседы получаются менее содержательными, зато куда более открытыми.

Младшая княжна весьма наивна и романтична. Она живет в ощущениях и считает, что мир прекрасен и создан для удовольствия. И я порой ей даже завидую, ведь моя жизнь уже никогда таковой не будет.

И стараясь не расстраивать, в разговорах просто киваю, восхищаясь ее девичьей простотой, которую не получается разбить даже тяжелым реалиям хирургии военного времени.

— Ах, Елизавета Павловна, вы бы только видели, как красив был этот офицер! — восторженно рассказывает она про очередного раненого, которому, к счастью, удалось спасти жизнь.

— Отчего же был-то, Татьяна Николаевна? — улыбаюсь с ее слов. — Жив ведь ваш офицер.

— Жив, да уехал. Да и не мой он вовсе, — краснеет княжна. — Значит нет его больше для меня.

— Может вернется? — предполагаю, ведь всякое в этой жизни бывает.

— К нам два раза не попадают, — тяжело вздыхает она. — Коли судьба раз сберегла, второй раз уже наверняка заберёт.

— Может быть не заберет. Бывает, что второй раз пуля уже не найдет, — возражаю, вспоминая рассказы знакомой с хирургии.

— А не найдет, так сюда уж точно не вернется, — качает головой Татьяна Николаевна. — Ну да и ладно. Мало ли их, офицеров этих? Да папенька все равно лучшего отыщет.

— А как же любовь? Разве не лучше по любви замуж выходить?

— Так любовь наверняка будет. Главное, чтобы человек хороший был.

— Неужели этого достаточно? — не могу понять, от наивности она это говорит, или научили так мыслить. Но ведь порой действительно на таком все и строится. Если человек хороший, то и любовь как-то складывается.

— А что же ещё нужно? — улыбается Татьяна Николаевна. — Хороший человек, он же и романтику, и нежность упускать не станет. С хорошим человеком все за радость. Разве не так, Елизавета Павловна?

— Наверное, так, — решаю не спорить. Пусть девушка думает, что все так просто. Все равно на чужих ошибках да

на чужих советах уроки не строятся.

— А вы когда-нибудь любили? — внезапно переключается она на меня саму.

А я даже понятия не имею, что могу ей ответить. Ведь Елизавета Павловна молода. Что вообще она может знать о любви и отношениях? Что она может рассказать?

Но ведь у меня самой жизнь была насыщена. Брак. Восемь лет совместной жизни. Бесчисленное количество попыток завести детей. Развод.

Поругались, нашел другую... Кто виноват? Сейчас это ни к чему. Да и тогда было не важным, ведь все хорошее оказалось под завалами противоречий.

Второй брак закончился более трагично. Муж погиб. Участвовал в операции по задержанию преступника и пал от пули.

Больше на отношения я не решалась.

Но не может же молодая девушка, княжна Елизавета Павловна поведать о чем-то подобном.

— Любила, — киваю, отвечая так коротко, как только могу.

— Но теперь разлюбили? — читает по моей интонации девушка. — Вам попался нехороший человек?

— Просто мне не повезло, — усмехаюсь прошлому и отворачиваюсь к окну.

Забавно. Я ведь думала, что пережила это. Думала, что уже не буду плакать.

— Уверена, что вам еще встретится такой человек, с которым все будет как надо, — успокаивает меня княжна. — Ведь говорят, что у каждого из нас есть половинка, которая подобно нам самим ищет свою любовь.

— Вот только половинка эта может находиться так далеко, что с ней уже никогда не получится встретиться, — улыбаюсь я ей.

Не верю, что, не найдя никого подобного в своем времени, я смогу встретить его здесь и сейчас. Я ведь совершенно не приспособлена к жизни в прошлом. Вряд ли сумею кого-нибудь заинтересовать.

— А я верю, что моя половинка обязательно найдется. Верю, что нас притягивает, будто магниты и рано или поздно мы обязательно встретимся.

— Пусть так оно и будет, — желаю, хотя прекрасно помню, как закончится ее жизнь.

Грустно смотреть на окружающих, заранее зная их судьбу. Не помню точно, что и с кем произойдет, но прекрасно помню, что далеко не для всех них жизнь закончится хорошо.

Смотрю на бедную девушку, полную надежд и планов на будущее, рассчитывающую на удачное замужество и даже не представляющую, что ждет ее впереди. И с трудом сдерживаю себя от того, чтобы подсказать ей, намекнуть.

Но любой мой намек может оказаться поводом выдвинуть в мой адрес обвинения.

— Непременно будет! — улыбается княжна и обнимает

меня. — И у вас все обязательно получится. Главное верить в это.

— Верю, — киваю я ей, думая совсем о другом, о своем.
— Все обязательно сбудется.

— А вы знаете, я ведь давеча разговор о вас слышала, будто невзначай произносит Татьяна Николаевна. — Ее величество изволили с врачом нашим беседу вести. Помощник, говорит, не хватает, а вы сами рвётесь. Нехорошо такое рвение стороной обходить.

— А Вера Игнатьевна что? — замираю в ожидании желаемых слов.

— Вера Игнатьевна утверждает, что рвение не всегда пользу принести способно. А в деле хирургическом способно привести к ошибкам и плохим последствиям.

— Так я же не тороплюсь. Вон, сколько жду уже. Иначе разве стала бы я столько спрашивать?

— Вот и ее императорское величество так же говорит. Маменька, вы должны понимать, к медицине серьезно относиться и надежды возлагает.

— Но по итогу врач наш неуклонна остается, — понимаю я к чему клонит великая княжна.

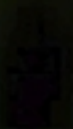
А жаль. Ведь я надеялась, что в этой жизни мои знания и умения пригодятся.

— Врач неуклонна, — неожиданно раздаётся мощный голос Веры Игнатьевны, совсем невовремя вошедшей в палату.
— Вот только я разумна и вижу толк в людях. И вас, Елиза-

вета Павловна, тоже рассмотреть сумела. И думаю, что нам нужно серьезно поговорить.

Ольга и Татьяна Николаевны

Ольга - старшая дочь Александры Федоровны и Николая Второго. Она очень серьезная и знающая, какая ответственность лежит на ее семье. В отличии от младшей сестры.

Татьяна - любимица императрицы и, со слов самого императора ее точная копия. Очень любит мать и делает все, чтобы она не разочаровывалась. Но не всегда...

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/LRF3>

Глава 4 Вера Гедройц

— Не стану вам мешать, — завидев врача, Татьяна Николаевна тут же поднимается и спешит удалиться.

Удивительно, с каким почтением члены королевской семьи относятся к обычному врачу. Пусть даже и к княжне по происхождению.

Но ее почтение сейчас совершенно меня не заботит. Сейчас куда важнее интерес Веры Игнатьевны ко мне. Ведь она решила, что рассмотрела во мне что-то необычное. Но что это может быть?

Не думаю, что врач могла распознать во мне попаданку. Ведь в это совершенно невозможно поверить. Даже я сама по-прежнему каждое утро проверяю, все ли действительно так.

С другой стороны, если не мое попаданство, что могло заинтересовать Гедройц?

А что я смогу рассказать ей, если она спросит меня о прошлом? Я же совсем ничего не знаю о судьбе настоящей Елизаветы Павловны. А если признаюсь в амнезии, возьмет ли меня врач себе в помощники?

— Я вас слушаю, — все же решаюсь начать разговор.

Внутри меня всю трясет от страха, но внешне стараюсь оставаться спокойной. Не хочу показывать свою слабость. Не хочу, чтобы врач думала, что находится во главе ситуации.

С другой стороны, оно ведь так и есть.

— Елизавета Павловна, мне довелось узнать, что вы все еще желаете служить сестрой при моем отделении. Это действительно так? — заходит она издалека.

— Еще как желаю, Вера Игнатьевна, — подтверждаю каждое ее слово. — Хочу нести пользу людям. Сейчас ведь не каждый готов помогать больным. Болезни ведь бывают очень страшными.

— Действительно, болезни бывают разными, — кивает она и проходит в палату.

Пройдя мимо моей кровати, она подходит к окну и всматривается в заснеженный пейзаж Царского села.

— Особенно страшны они зимой, — задумчиво продолжает она. — И в мирное время зима уносит немало жизней, а в военное — подавно.

— Не холод страшен, Вера Игнатьевна, — зачем-то возражаю я, но тут же замолкаю.

— Не холод, — повторяет Гедройц мои слова и поворачивается ко мне. — Скажите мне, Елизавета Павловна, откуда у обычной княжны такие познания в медицине?

— Мне приходилось много читать, — нахожусь мгновенно, хотя и не уверена, что мои слова смогут меня защитить. — В библиотеке моего отца хранилось много трудов. Среди них имелись и посвященные медицине.

— И вы, молодая княжна, с интересом читали сложные термины и непонятные определения? — спрашивает она с

недоверием.

— Мир открылся передо мной в совершенно другом ракурсе, — произношу с придыханием. Ведь я действительно с детства увлекалась медициной, и мама даже шутила, что физиология и анатомия человека — моя любимая книжка на ночь.

— Мир действительно открывается с другой стороны, когда познаешь самого себя и окружающих, когда понимаешь, как мы все устроены. Вот только... можете ли вы хоть что-то делать руками? Не думаете же вы, что одних только слов, пусть и невероятно умных, достаточно, чтобы спасти жизни людей?

— Безусловно, мне не сравниться с вами, Вера Игнатьевна, — отвечаю учтиво. Понимаю, что иду по минному полю и сейчас любое неверное движение может привести меня на мину.

— И все же мне в команду нужен тот, кто способен помочь делом, а не чесать языком.

— Я готова учиться. Готова применять свои знания и отрабатывать навыки. Вы только позвольте мне вам помочь, — все же не решаюсь давать прямой ответ и снова отвечаю уклончиво.

— То есть вы готовы признать, что всего лишь желаете служить при мне, но навыками, как таковыми не обладаете. Так, Елизавета Павловна? — загоняет она меня в тупик.

Что ей ответить? Что сказать? Чего она хочет от меня

услышать и к чему хочет подвести?

С одной стороны, я могу сказать, что ничего не умею и желаю научиться всему у лучшего хирурга империи. С другой стороны, не приведет ли это к отказу и не лучше ли сказать, что имею опыт во врачевании?

— Мои навыки незначительны по сравнению с вашими достижениями, — в итоге решаю выбрать что-то среднее. — Я неоднократно наблюдала за нашим семейным врачом и помогала ему делать перевязки. Но ничего серьезного делать мне не довелось.

— Выходи, что бинт вязать умеете, — спрашивает очень деловито, но не удивленно. — И считаете, что способны в этом мне сгодиться?

— Я считаю, что могу принести пользу, — не соглашаюсь с ней. — А вам я сгодиться не намереваюсь. Только общему делу.

Заканчиваю фразу и замираю. Кажется, даже сердце прекращает биться, разделяя мгновение на до и после.

Но Гедройц не отвечает. Она лишь вздыхает и широкими шагами направляется к выходу из палаты. Словно все для нее уже решено.

— Вера Игнатьевна, постойте! — прошу я, понимая, что это может быть началом конца. — Неужели вы готовы отказаться от помощи из-за одного только мнения? Но ведь я не сказала ничего дурного. Я только хотела показать, что я действительно заслуживаю чести находиться рядом с вами, по-

могать вам.

Женщина не останавливается. Она доходит до двери, открывает ее и... разворачивается ко мне.

— Вообще-то, Елизавета Павловна, я не давала вам отказ, — бросает она и окончательно уходит.

А я остаюсь стоять посреди палаты и смотрю ей вслед.

Не знаю, как воспринимать ее слова. Она дала мне шанс? Разрешила стать частью команды первой в Российской империи женщины-хирурга?

Или все же за этими словами заключается тайный смысл. Что, если на самом деле все обстоит не так как я думаю?

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/aghN>

Глава 5 Шанс

С момента нашего разговора проходит три дня. Они тянутся мучительно долго. Каждый час превращается в пытку неопределенностью.

Слова Веры Игнатьевны не дают мне покоя, рождая то слабую надежду, то отчаяние.

Полная надежд, я неустанно читаю книги по медицине, штудирую анатомические атласы, вежливо принесенные мне Ольгой Николаевной, наиболее проникшейся моей проблемой. Но все кажется мне бессмысленным на фоне гнетущего ожидания.

Кажется, последний разговор с Гедройц поставил жирную точку в списке моих надежд. Заявившая, что не дает отказа, врач пропала, потерялась в операционной, забыла про меня.

Я уже почти смирилась с неудачей, прокручивая в голове разные варианты будущего, где не было места ни медицине, ни великому хирургу. И оно казалось мне пустым и туманным, ведь в новом для меня времени я совершенно не знаю, как жить и как следует себя вести.

Однако утром, когда солнце едва коснулось горизонта, тишину покоев разрывает оглушительный шум. Крики, ругань, топот множества ног эхом проносятся по коридорам и будят меня.

С первых мгновений отвратительно липкого бодрствования

ния становится понятно, что произошло что-то плохое.

Помедлив лишь с десяток секунд, я вскакиваю с постели. Сердце бешено колотится в груди. Всем своим нутром чувствую грядущие перемены.

Но с чем они могут быть связаны?

Выглядываю в окно и замираю: к госпиталю подводы одна за другой привозят раненых. Рядом бегают сестры милосердия и врачи. Среди них вижу и представителей императорской семьи. И только Веру Игнатьевну не нахожу. Наверняка она сейчас готовит помещение для операций.

Первое, что я испытываю — страх. Ведь даже повидавшая за свою практику немало всего, я ни разу не видела, чтобы раненых было так много. Никогда не видела столько крови. А на белом снегу она особенно заметна.

Но спустя мгновение ступора, я понимаю, что это мой шанс. Именно сейчас я могу показать себя, как специалиста, показать себя, как самого настоящего медика. Пусть и всего-навсего помогающего с перевязыванием ран.

Не теряя больше ни секунды, бегу вниз, в приемный покой. Хочу показать свою готовность действовать. Хочу показать, что я на самом деле пригожусь. Точно, как в молодые годы, когда была еще интерном.

У входа в больницу царит хаос: окровавленные бинты валяются на полу, воздух пропитан запахом лекарств и крови. Санитары носятся туда-сюда, сестры милосердия вместе с врачами осматривают прибывающих, отдавая быстрые рас-

поряжения.

Вера Игнатьевна, как всегда собранная и сосредоточенная, возвышается над всеми. Она руководит процессом, ее голос звучит четко и властно. И что самое главное, ее беспрекословно слушаются. А ведь это совсем не то время, чтобы женщина стояла во главе.

Но я, забыв про все сомнения и страхи, иду вперед. Я вижу свой шанс. И я не имею право его упускать.

Подхожу к Вере Игнатьевне и, стараясь не выдать волнения, обращаюсь, предлагая свою помощь.

— Вера Игнатьевна, позвольте мне проявить себя, — прошу, прекрасно понимая, что сейчас каждый человек на счету. — Я готова делать перевязки, ассистировать, выполнять любую работу, которую вы мне поручите.

Кажется, что врач меня не слышит. Она внимательно изучает находящегося перед ней мужчину, напрочь игнорируя мое присутствие.

Но я прекрасно понимаю, что отвлекать ее себе дороже. Не думаю, что мое появление осталось незамеченным и когда придёт время, она непременно обратит на меня внимание.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите мне остановить кровь! — доносится где-то рядом крик о помощи.

Моя реакция оказывается молниеносной. В то же мгновение оборачиваюсь и делаю шаг, чтобы помочь. Но тут же останавливаюсь.

Ведь мне никто не разрешал притрагиваться к раненым.

Тогда я перевожу взгляд обратно на Гедройц и тут же встречаюсь с ее тяжелым испытующим взглядом.

Врач отвлеклась от мужчины и теперь смотрит на меня. Кажется, что ей интересно, что именно я собираюсь делать. Но я не буду никому помогать, пока мне не разрешат. Даже несмотря на то, с каким трудом мне удастся себя сдерживать.

— Ну что стоите? — тихо произносит она и в ее голосе не слышу совершенно никаких эмоций. — Вы же хотели помогать. Так помогайте.

— Вы разрешаете мне это делать? — спрашиваю с недоверием.

— Разрешаю, — кивает она. — Но учтите, в жизни все совсем не так, как в книгах. Постарайтесь не делать ничего лишнего.

Киваю в знак согласия и удаляюсь. Уж я-то знаю, что такое бороться за жизнь человека.

К раненому я подхожу, стараясь двигаться уверенно, хотя внутри все дрожит. Я не знаю, какие инструменты и приспособления сейчас используются в медицине. Но в голове уже прокручиваются варианты всего, что мне известно.

Мужчина лежит на полу, его лицо искажено гримасой боли. Рука обмотана окровавленной тряпкой, из-под которой сочится алая жидкость. Рядом сидит Татьяна Николаевна и пальцами прижимает к ране скомканный кусок бинта.

Не произношу ни слова. Сейчас не важно, когда и где

мужчина получил рану. Он здесь, и я должна ему помочь. Остальное — не мое дело.

Действую быстро, но аккуратно. Осторожно освобождаю руку от ткани, оцениваю характер ранения. Кровотечение сильное, времени на раздумья нет.

Беру кусок бинта и скручиваю его, создавая своего рода жгут. Накладываю выше раны и затягиваю до остановки кровотечения.

Замечаю, как бледнеет лицо мужчины, но сейчас главное — спасти его жизнь. Запоминаю время и оглядываюсь, желая найти, где его записать. Но не нахожу ничего лучше, чем сделать это его же кровью, все еще не высохшей на бинте.

— Татьяна Николаевна, через десять минут ослабьте и снова затените, — подсказываю великой княжне. — Так вы спасете ему жизнь и сохраните руку. И, как можно скорее в операционную.

— Поняла, — кивает девушка, а сама выглядит растерянной и удивленной.

Но мне сейчас не до ее эмоций. Не теряя ни секунды, перехожу к следующему раненому. Там ситуация не менее сложная. Здесь тоже нужно проводить операцию, но сейчас приходится справляться своими силами.

Делаю все, что могу. Главное: остановить кровь и облегчить страдания. И у меня получается это сделать.

— В операционную, как можно скорее, — увлекшись, подсказываю стоявшим в удивленном оцепенении сестрам.

— Мы еще можем его спасти.

Оставляю раненого и делаю шаг к следующему. Но в этот момент замечаю, что Гедройц пристально следит за мной.

И понимаю, что слишком увлеклась и теперь придется как-то это объяснять.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/XtLt>

Глава 6 Объяснения

Сердце бешено колотится в груди. Я чувствую, как краска приливает к лицу, а руки становятся влажными. Гедройц. Она видела все. Видела мою уверенность, скорость, умения, которыми мне неоткуда было владеть в этой реальности.

Теперь придется объяснять. Но что я могу сказать? Вряд ли она поверит, что в прошлой жизни я была врачом скорой помощи. Да и откуда ей знать, что это вообще такое?

Вера Игнатьевна приближается медленно, словно выжидая момент. В ее взгляде читается смесь удивления и подозрения. Высокая, несколько мужиковатая, она выглядит устрашающе.

Даже вспоминаю, как на занятиях в институте лектор рассказывал о том, что современники побаивались княжну, а некоторые даже считали ее опасной. А сейчас я понимаю, что и правда можно так подумать.

Тем временем Вера Игнатьевна останавливается в нескольких шагах от меня, и я невольно делаю шаг назад. Кажется, что сейчас решится моя судьба. Здесь. Среди крови и боли. В самом начале моей новой жизни.

— Неужели всему этому вы научились со страниц книг? — тихо спрашивает она, и в этом вопросе нет и нотки веры.

В ее голосе нет злобы, но чувствуется твердость и решимость. Я знаю, что должна ответить честно, но как это сде-

лать, не выдав себя? Как соврать так, чтобы поверили?

Всегда не любила ложь. А теперь я вынуждена лгать. Вынуждена изворачиваться. Ведь каждое слово нужно взвесить, каждое движение контролировать. Ошибка может стоить мне всего.

Собираюсь с духом и делаю глубокий вдох.

— Я... я всего лишь стараюсь помочь, — говорю, запинаясь. — Я видела, как работал наш семейный врач, и попыталась повторить это, сделать все, что в моих силах.

Это правда, но это лишь часть правды. Ведь я на самом деле училась у хороших докторов, сменивших свою деятельность на преподавательскую. Вот только достаточно ли этого, чтобы успокоить ее подозрения? Сможет ли она поверить в мою искренность?

Гедройц молчит. Она пристально смотрит мне в глаза и ищет в низ проблески лжи. Кажется, она пытается прочесть мои мысли, увидеть мою истинную сущность.

Но ей будет непросто это сделать.

Я стараюсь не отводить взгляд, показать, что мне нечего скрывать. Но внутри меня бушует буря страха и неуверенности. Я знаю, что теперь все зависит от ее решения.

— Семейный врач, говорите? Интересно. И как же звали этого столь умелого человека? — Вера Игнатьевна не сводит с меня пронзительного взгляда, словно желая вытянуть правду наружу.

Я чувствую, как внутри все холодеет. Как его могли звать?

Откуда я знаю, что происходило в прошлом Елизаветы Павловны? Откуда мне знать хоть что-нибудь о ее окружении?

Ненавистная мне ложь загнала меня в ловушку. Теперь я не могу свернуть в сторону и увести разговор в другое русло. Я должна с полной уверенностью сказать то, о чем не имею ни малейшего представления.

Но что, если Гедройц знает о семье княжны, в тело которой я попала? Что, если она прекрасно знает, что я вру?

— Ох, сомневаюсь, что вы знакомы. Ведь я совсем недавно переехала в Петербург... из далекой губернии, — отвечаю я, стараясь говорить как можно увереннее.

Ума не приложу, откуда у меня вообще взялись эти мысли. Ведь если Елизавета Павловна действительно княжеского рода, если она из богатой семьи, то ее вполне могут знать в высоких кругах. О ней могут как минимум что-то слышать.

И это значит, что я на грани провала.

— Доктор был стар, давно в отставке, — продолжаю говорить все, что приходит в голову. Все равно хуже уже не будет. — Он просто помогал нашей семье. По старой памяти. И за рубль, конечно же...

На какое-то мгновение в глазах Веры Игнатьевны возникает тень сомнения, но тут же сменяется задумчивостью.

— Да, припоминаю... Слышала о прибытии новых семей в наш город, — кивает она, словно сама себе. — Что ж, возможно, вы и правы. В любом случае, спасибо вам за помощь. Я и подумать не могла, что вы можете оказаться столь уме-

лой.

От ее слов становится легче. Кажется, я смогла ее убедить. Но я понимаю, что это лишь временная передышка. Мне все еще предстоит доказать, что я на самом деле достойна находиться рядом.

Вера Игнатьевна — не та женщина, которая легко доверяет людям. Она будет наблюдать за мной, и мне нужно быть предельно осторожной.

Ведь даже если она и не раскроет свои переживания, даже если не расскажет кому-нибудь обо мне, без ее больницы я все равно не смогу найти место в этой жизни. Ведь эта жизнь чужая для меня. Все здесь чужое.

— Не стоит благодарности, Вера Игнатьевна. Я просто стараюсь помочь, — улыбаюсь в ответ

Не очень-то верю, что все на этом завершилось. С другой стороны, не думаю, что Гедройц будет что-то про меня узнавать. Ей незачем, да и некогда это делать. К тому же, какая ей разница, как я училась, если действительно могу помочь.

— В таком случае, Елизавета Павловна, прошу вас приступить к исполнению обязанностей, — наконец, произносит она желанные слова.

— Спасибо вам, Вера Игнатьева! Я точно вас не разочарую!

— Вы, главное, сами не разочаруйтесь. В наше время можно увидеть такое, что навсегда желание жить отобьёт.

— Постараюсь не разочароваться, — киваю ей, а сама

вспоминаю, как впервые приехала на крупную аварию. Тогда я насмотрелась такого, что потом неделю толком спать не могла. Не думаю, что теперь меня можно так же впечатлить.

— Вот и славно. А теперь работать пора. Раненые сами себя не вылечат.

Вера Игнатьевна разворачивается и уходит. Наверное, в операционную. А я остаюсь здесь, среди таких же сестер милосердия, как и я. И я радуюсь возможности быть рядом с ними.

Тем более, что мои знания здесь действительно могут пригодиться.

Вот только еще приноровиться бы к тому, что многие привычные мне лекарства еще не изобрели...

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/Fw7i>

Глава 7 Ее императорское величество

Несколько часов ушло на то, чтобы распределить раненых по отделениям. Несмотря на длительную транспортировку, у многих раны оказались весьма серьезными, и лишь чудо позволило им выжить.

Я носилась между операционной и перевязочной, стараясь успеть везде. Некоторые раны повергали в шок: раздробленные кости, глубокие порезы, ожоги. Казалось невероятным, что эти люди вообще добрались до нас.

Ни одному из них не была своевременно оказана необходимая помощь. Для меня, как для человека, посвятившего свою жизнь спасению людей, это кажется настоящим чудом. Словно от одних лишь воли и характера зависит, будет человек жить или нет.

Некоторым из раненых я лично смогла помочь. Одному солдату без руки, мне удалось остановить кровотечение, возобновившееся при перекладывании на койку. Другому, с осколком в ноге, я аккуратно извлекла его и обработала рану.

Сперва меня поразило, почему ничего не сделали на месте, а везли бедолагу, мучая его всю дорогу. Но в итоге пришла к выводу, что боль лучше заражения.

Все же условия здесь совсем не те, что в моем времени.

За несколько часов работы я устала до невозможности. Но зато я чувствую себя на своем месте. Мои знания, полученные в будущем, оказались незаменимыми, и я вижу благодарность в глазах тех, кому мне удастся облегчить страдания.

Но попадаютсся и те, кому помочь уже невозможно. Я вижу их предсмертные муки, слышу их стоны и просьбы. И каждый раз, когда жизнь угасает в моих руках, я чувствую себя беспомощной.

Эти моменты переношу тяжело, ведь на прошлой моей работе спасти пациентов удавалось практически всегда. Но я должна оставаться сильной, чтобы продолжить помогать спасать людей. Ведь их будет еще немало.

— Фух! Сил нет! — опускаюсь на стул, стоящий в коридоре, выдыхаю и закрываю глаза.

Кажется, что последние мои силы ушли на то, чтобы подняться на свой этаж, но на то, чтобы дойти до палаты их уже не хватило.

— Устали? — неожиданно рядом раздаётся женский голос, и кто-то садится на стоящий рядом стул.

— Очень устала, — отвечаю, не открывая глаз. — Не думала, что могу так устать.

— Но ведь это приятно, когда понимаешь, что делаешь благое дело, — тихо и спокойно произносит женщина.

— Каждая спасенная жизнь лучше любой награды, — соглашаюсь с ней. — Не знаю, как бы я себя чувствовала, если бы Вера Игнатьевна не позволила мне работать.

— Вера Игнатьевна знает толк в хирургии. Ровно, как знает толк и в людях. И я могу заверить вас, Елизавета Павловна, что она сразу увидела вашу любовь к медицине.

— Отчего же тогда сразу не доверилась мне? — открываю глаза и поворачиваюсь к собеседнице. Но тут же замираю.

Передо мной, на самом обычном стуле, в самом обычном платье сидит сама Александра Федоровна. Императрица. Жена Николая второго!

А я даже встать не удосужилась. Да и не смотрела на нее все это время. Это же неуважение к ее императорскому величеству!

— Ваше величество, простите меня, — вскакиваю на ноги, совершенно не понимая, как нужно себя вести. — Я не знала... Я не думала, что это вы...

— Успокойтесь, Елизавета Павловна, — улыбается та и голос ее при этом такой нежный и мягкий, что даже не верится, что передо мной сама Александра Федоровна.

— Но... Я же должна...

— Отдыхать вы должны, — перебивает она меня и тянет за рукав, усаживая на место. — После такой серьезной раны вам нужно беречь себя. Это же просто чудо, что вас в лесу найти смогли, да спасти сумели. Я, честное слово, уже не верила.

— Неужели все так серьезно было? Я ведь не помню толком ничего. Помню, когда уже в больнице лежала, да и то обрывками...

— Плохо все было. Да Вера Игнатьевна все силы приложила, чтобы вас спасти. Видимо увидела она что в вас. Почувствовала, что нужны вы живыми нам.

— Выходит, что действительно сразу поняла, — не могу не согласиться с императрицей. — Но почему же тогда так долго в работе отказывала?

— Берегла она вас, — отмахивается Александра Федоровна. — Видела, что слабы еще, вот и не утруждала. Да и я ей наказывала беречь. Коли увидела дело грядущее, так изволь до него довести. А дело ваше мне славой имперской мерещится. Вместе с Верой Игнатьевной бок о бок и пойдёте.

— А коли не пойдём вместе? Тогда что случится?

— Все сложится так, как должно сложиться. Потенциал в вас имеется, значит и толк будет. Вот увидите.

Александра Федоровна понимает и направляется прочь. И мне удивительно, как такая великая женщина может быть такой простой и легкой в общении. Наверняка ведь она не всегда такая.

Впрочем, здесь и сейчас мы все одинаковы. Особенно когда смерть рядом ходит, а мы гоним ее, не давая жизни солдат и офицеров отнимать.

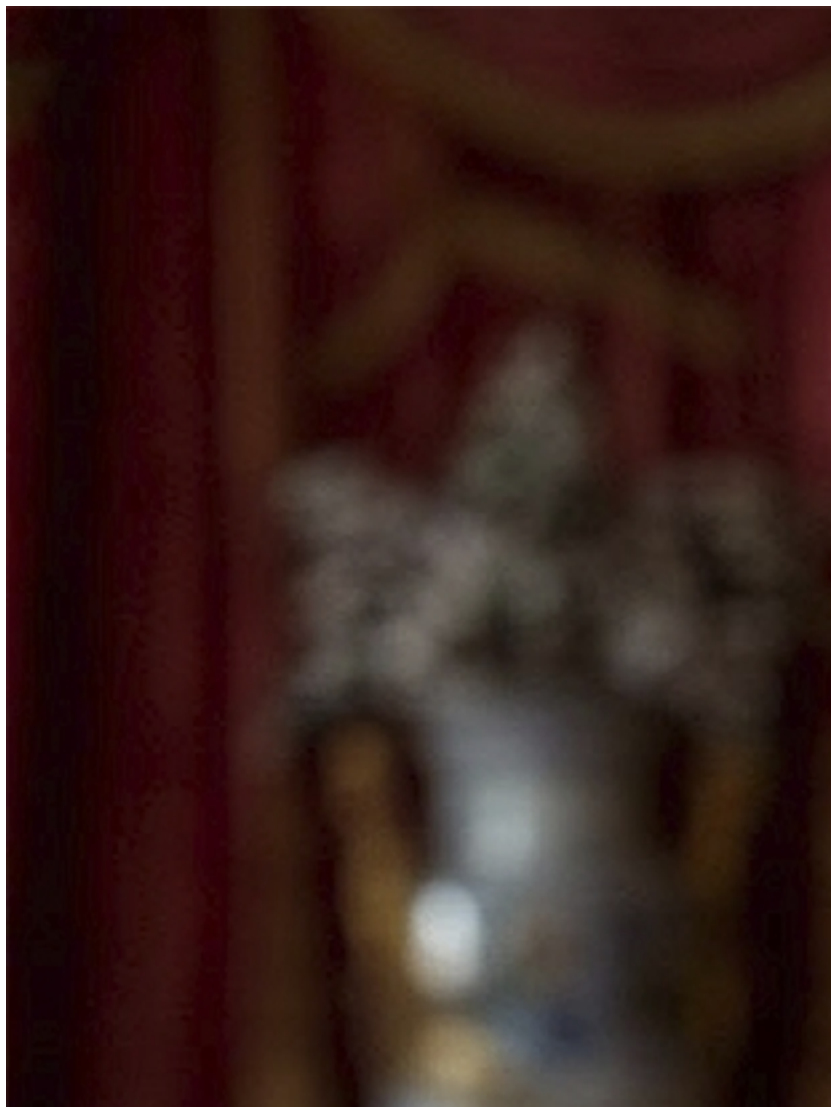
Встаю со стула и направляюсь к палате. Разговор с императрицей будто придал мне сил. Мне стало легче и приятнее. Стало проще воспринимать все происходящее.

Медленно, шаг за шагом, иду к себе. Хочу лечь на кровать и уснуть. Хочу отдохнуть перед завтрашним днем. Ведь зав-

тра будет очень много дел и много переживаний.

В этом я не сомневаюсь.

Вот только до палаты дойти не успеваю. Ведь прямо передо мной появляется темный силуэт. И идет он прямо ко мне.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

https://litnet.com/shrt/_FIN

Глава 8 Капитан Корсак

Сердце бешено колотится, кровь отливает от лица. В горле становится невыносимо сухо, а грудь сдавливает с такой силой, что дышать становится тяжело.

Передо мной человек. Незнакомец! Но кто он? Что ему нужно? Почему он с такой уверенностью идет в мою сторону?

А может быть он всего лишь идет по своим делам и наши пути по чистой случайности пересеклись?

Но стоит ли верить в случайность?

Трясу головой, стараясь прогнать ненужные мысли. Оказавшись в этом теле, я стала слишком подозрительной, слишком нервной...

Но может ли быть иначе, если какое-то чудо подарило мне новую жизнь, чужую жизнь?

Слежу за силуэтом. Каждый его шаг отдается гулким эхом в моей голове. Темнота коридора, кажется, сгущается вокруг него, делая его фигуру еще более зловещей. Но это всего лишь страх заставляет меня так думать. Только страх делает все таким зловещим и опасным.

Но все же осознание не мешает ему парализовать меня. И теперь я стою, не способная пошевелиться, не способная издать ни звука.

Но через мгновение силуэт приближается настолько, что

мрак отступает, обнажив вполне приятные черты лица.

Офицер! Один из прибывших сегодня. А может быть не из них, а зашедший проведать кого-то. Он идет ко мне, смотрит на меня.

Значит я не ошиблась. Именно я его цель. Именно со мной хочет поговорить этот мужчина.

Но о чем?

Делаю шаг навстречу. Не хочу показывать, что я боюсь. Но похоже, что моя тревога не утаилась от офицера.

Его взгляд серьезен и сосредоточен, но в нем нет ни тени враждебности. Напротив, он улыбается мне, старается показать, что я не должна его бояться.

И я действительно расслабляюсь.

Облегчение волной прокатывается по всему телу, вытесняя страх и напряжение. Кто бы он ни был, он не представляет для меня опасности. Он просто хочет что-то спросить, о чем-то поинтересоваться.

Но что ему может быть нужно в столь поздний час? Тем более от меня.

— Добрый, вечер, — здороваюсь с мужчиной, стараясь лучше его рассмотреть. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Высокий, статный, с волевым подбородком и пронзительными глазами, офицер замирает и смотрит мне прямо в глаза. На его форме нет ни единого пятнышка, все выглажено и отутюжено. Словно он никогда и не был в бою.

Мужчина держится с достоинством и уверенностью, при-

сущей военным. И лишь улыбка на его лице выдает его эмоции.

— Добрый вечер, красавица, — произносит он бархатным спокойным голосом, от которого сердце замирает, а в груди все чешется от восторга. — Может быть вы знаете, где лежит капитан Корсак?

— Капитан Корсак? — задумываюсь, но понимаю, что такую фамилию я слышу впервые. Впрочем, даже если кто-то сегодня и называл бы фамилию капитана, я вряд ли умудрилась бы ее запомнить.

— К сожалению, не знаю, — щебечу, как пташка. Но тут же одергиваю себя и беру в руки. — А кем он вам приходится? Родственник?

— Брат, — мгновенно отвечает офицер. — Корсак Игорь Сергеевич, — протягивает мне ладонь. — А вас как величать?

— Меня М... — чуть не называю свое настоящее имя. — Елизавета Павловна. Ракитина Елизавета Павловна. Княжна.

Мои слова умиляют капитана. Его улыбка становится еще шире, но от этого лицо становится красивее. Хотя, казалось бы, красивее уже некуда.

— Что же, Елизавета Павловна, будем знакомы, — берет он мою руку и целует ее.

— А вы, стало быть, оба капитаны? — мгновенно меняю тему, стараясь скрыть смущение.

— Оба, — кивает он и смотрит мне в глаза, от чего я тут же захожусь краской. — Мы оба были на линии фронта, но... моему брату повезло меньше.

— Значит... он среди раненых? — задаю глупый вопрос. Но мой мозг сейчас занят красавчиком военным и я никак не могу припомнить, что бы видела кого-то похожего.

— Если бы Виктор не был одним из раненых, вряд ли я стал бы его искать. Вам так не кажется?

— Знаете, в жизни бывает всякое. Но вы правы, здесь вы его искать вряд ли стали бы.

— Выходит, что в ваши прекрасные руки он не попадал, — продолжает флиртовать мужчина, а я уже начинаю задыхаться от эмоций. — Впрочем, оно и лучше. Ведь если бы он успел покорить ваше сердце, у меня бы уже не было шансов...

— А вы, выходит, желаете мое сердце покорить? — спрашиваю, с трудом сдерживая волнение. — Разве в не за братом пришли?

— Но ведь одно другому не мешает, — подмигивает он. — Скажите, я смогу найти вас здесь утром?

— Мне некуда уходить. Здесь мой долг, — пытаюсь свести все к работе, но сама искренне желаю, чтобы он меня нашел.

— В таком случае прошу меня простить, но как вы сказали ранее, я пришел сюда, чтобы найти брата, — произносит он, будто поет. — Но завтра я непременно вас найду, Елизавета Павловна.

— Удачи вам с поиском брата, — улыбаюсь ему. — Надеюсь, его ранение не серьезное.

— Он чертовски живуч и невероятно удачлив, — смеется капитан Корсак. — Не сомневайтесь, уже завтра он будет бегать по больнице и рассказывать сестричкам свои стихи!

Капитан разворачивается и уходит дальше по коридору. А я смотрю ему вслед и вздыхаю.

Чего бы я точно не подумала, что встречу здесь мужчину и влюблюсь в него.

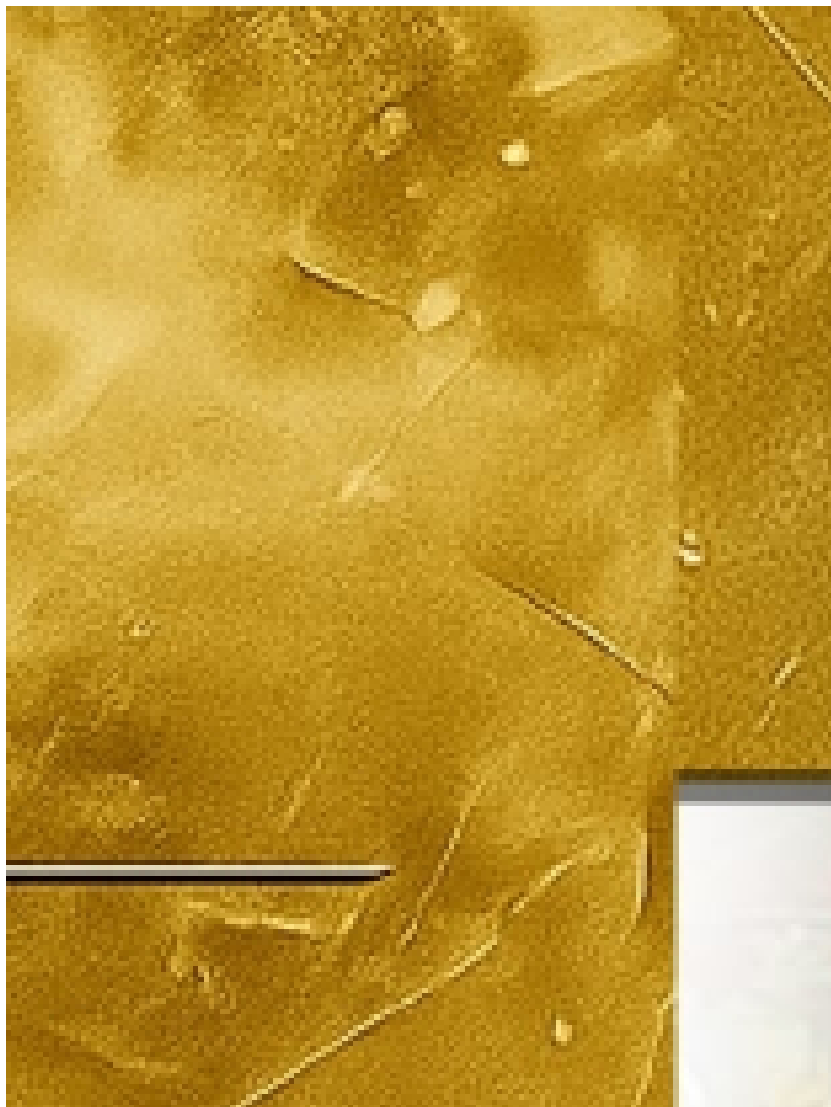
Но, кажется, это произошло.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/gIjG>

Глава 9 Рабочее утро

Всю ночь думала о капитане Корсак. Его образ постоянно стоял перед глазами, а его голос прекрасной мелодией звучал в ушах.

Никогда бы не подумала, что можно вот так просто взять и влюбиться. На ровном месте. В совершенно незнакомого человека.

А может быть это вовсе и не влюбленность? Может быть это всего лишь усталость и стресс сказываются на моем восприятии образа загадочного мужчины?

Как бы то ни было, он все равно не выходит у меня из головы. Я все равно не могу забыть его. И даже утром, когда просыпаюсь, первая мысль именно о нем.

«Интересно, найдет меня капитан или нет. Придет ли он сегодня ко мне?»

На этот раз просыпаюсь я не от шума, доносящегося с улицы, но и не самостоятельно. Меня будит сестра милосердия, которая дежурила всю ночь. И мне очень жаль, что это происходит, ведь сон, который я смотрела был прекрасен.

— Елизавета Павловна, доброе утро, — произносит она, прогоняя остатки романтического настроения, которым была пронизана вся ночь. — Пора вставать.

— Да, уже встаю, — по старой привычке без малейшего промедления поднимаюсь с кровати. — Снова раненых при-

везли?

— Что вы! Куда ж нам еще-то? Нам бы с этими справиться, — отмахивается она и уходит будить остальных.

А я смотрю ей вслед и улыбаюсь. Ведь сам факт побудки означает, что Вера Игнатьевна действительно приняла меня в свою команду. А это для меня дорогого стоит.

Заправляю кровать, умываюсь и иду на завтрак. Сегодня его не принесли мне в палату. Ведь я уже не больная. И мне предстоит разобраться, как жить дальше, можно ли мне жить здесь, при больнице. Я ведь не имею ни малейшего представления, где дом Елизаветы Павловны, где дом семьи Ракитиных.

— Ах, Елизавета Павловна, доброе утро! — на входе в столовую встречает меня Татьяна Николаевна. — Вы на завтрак пришли?

— Да... А вы тоже здесь?.. — удивляюсь самому факту, что члены императорской семьи даже завтракают среди обычных людей.

— Ее величество желает контролировать каждый этап работы больницы. А еда очень важна защитникам империи, — поясняет великая княжна. — Вы сами как считаете, хорошо здесь кормят?

— Очень даже хорошо, — киваю, хотя сама бы внесла изменения. Ведь диетами, положенными при разных заболеваниях, здесь даже и не пахнет. Так, одни намеки.

— В таком случае, думаю, что с моей стороны неправиль-

но мешать вам завтракать, — улыбается она и делает шаг в сторону, пропуская меня.

— А вы что же, уже позавтракали?

— Еще не успела. Как раз шла за этим, но увидела вас...

— В таком случае, может быть позавтракаем вместе? — предлагаю, хотя и понимаю, как смело звучит мое предложение.

Но Татьяна Николаевна не отказывается. Напротив, она с удовольствием соглашается и следует за мной.

— Ах, вы видели, сколько вчера офицеров привезли? — спрашивает она, когда мы располагаемся за столом. — Все такие красивые, сильные, несчастные...

— И нам нужно всех их поставить на ноги, — киваю, зачерпывая овсяную кашу.

— Может быть среди них моя любовь? — мечтательно вздыхает княжна. И в ее словах столько наивности и романтики, что я невольно задумываюсь, не выгляжу ли и сама точно так же после встречи с капитаном.

Кстати, о нем!

— Татьяна Николаевна, а вы что-нибудь знаете о капитане Корсак? Об Игоре Сергеевиче.

— Корсак? — повторяет она, словно эта фамилия помешала ей мечтать. — Не слышала. Возможно, маменька знает. А что вам сделал этот капитан?

— Ничего не сделал, — тут же одергиваюсь я, не желая лишних вопросов. — Он брата вчера вечером искал. Вот и

думаю, нашел или нет.

— А брат, стало быть, раненый у нас лежит? Переживает о нем, небось.

— Переживает. И я переживаю теперь, нашелся ли он. А как теперь узнать-то. Их же вон у нас сколько...

— Для этого у нас перечень имеется, — Татьяна Николаевна отставляет миску в сторону. — Думаю, что не сегодня — завтра всех перепишут.

— Перечень — это хорошо, — произношу задумчиво.

Конечно же, это очень здорово для капитана. Ведь если вчера он не сумел отыскать брата, то по перечню наверняка сумеет.

Но ведь есть тут и другая сторона монеты. Я ведь тоже тогда смогу капитана отыскать. Сперва одного, а за ним и другого.

Вот только как до этого перечня добраться?

— А где хранится перечень? — спрашиваю, в надежде, что великая княжна это знает. — Вдруг я снова встречу капитана. Так сразу сумею ему подсказать.

— У врачей он хранится. Можно у Веры Игнатьевны попросить. Она-то наверняка знает, где его искать.

— Думаете, что Вера Игнатьевна даст мне его? — не очень-то верю, что подобным документом здесь распоряжаются с такой легкостью.

— Ради благого дела отчего же не дать? А коли не хотите спрашивать, так капитана своего к ней направьте. Ему-то она

точно про брата подскажет.

— Именно так и поступлю, — киваю в знак принятия, хотя сама не очень-то и хочу принимать это за данность. Хочу знать, где можно найти мужчину, который вчера мне так сильно понравился.

Но рассказать об этом я не могу.

— Ой, а что же мы с вами сидим? — неожиданно спохватывается Татьяна Николаевна. — Мы же давно уже должны в сестринской быть. Распределение ведь сейчас начнется!

И не сказав больше ничего, девушка поднимается из-за стола и устремляется прочь.

И я, осознавая, что действительно нужно спешить, следуя за ней.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну историю нашего литмоба "Зима в Империи"

<https://litnet.com/shrt/TzHT>

Глава 10 Начинать так с малого

В сестринскую мы влетаем почти бегом. В просторной комнате царит оживление. Сестры милосердия толпятся вокруг длинного стола, за которым восседает Вера Игнатьевна и ждут, когда она скажет, чем же они будут заниматься весь день.

Гедройц с деловитым видом просматривает какие-то бумаги и время от времени называет имена, сопровождая их краткими указаниями. Словно полководец, она руководит армией своих медсестер, умело расставляя их по нужным позициям.

Татьяна Николаевна, как только видит стоящую неподалеку императрицу, тут же спешит к ней и занимает место рядом. Я же остаюсь стоять в стороне, чувствуя себя немного неловко. У меня-то нет матери, которая смогла бы прикрыть мое опоздание.

Тем временем Вера Игнатьевна, кажется, меня совсем не замечает. Она совершенно не смотрит на меня, словно я прозрачна, как воздух.

Впрочем, на меня мало кто обращает внимание. Сестры милосердия поглощены распределением, каждая надеется попасть в хирургическое отделение — поближе к нашему врачу.

Я же просто наблюдаю за происходящим, пытаюсь понять,

как здесь все устроено. Чувствую себя чужой на этом празднике жизни. Хотя и знаю, что мои знания лучше, чем у большинства из здесь присутствующих.

Вера Игнатьевна, наконец, поднимает голову и оглядывает присутствующих. Ее взгляд скользит по мне, равнодушно отмечая мое присутствие, но не задерживаясь. Она по-прежнему продолжает называть имена и распределять сестер по местам, при этом игнорируя меня.

Но что я могу сделать? В отличие от остальных, я здесь новенькая. Да еще и посмеивая себе опаздывать. Вряд ли такое может нравиться руководителю.

К тому же остаться без дела я тоже не должна. Вера Игнатьевна видела, как хорошо я вчера справлялась с работой. Не станет же она отказываться от моих услуг только потому, что я не уследила за распорядком. Которого, впрочем, я даже и не знала.

Сестры потихоньку начинают расходиться и вскоре остаются только те, кого Гедройц решила оставить рядом с собой. Именно им предстоит участвовать в самом сложном. Им и... мне?

Только такой вывод я могу сделать, учитывая, что я остаюсь одна из тех, кого не успели распределить. Но действительно ли это правда?

— Княжна Ракитина Елизавета Павловна, наконец, проносит мое имя Гедройц. Но делает она это как-то излишне официально. — Вы так долго добивались моего расположе-

ния, чтобы позволять себе опаздывать?

— Я не знала... — начинаю оправдываться, но решаю, что это слишком глупо. — Я обещаю, что подобное больше не повторится.

— То есть вы сделали должные выводы? — уточняет она.

— Сделала, — киваю в ответ. — И готова приступить к той работе, которую вы для меня приготовили.

— Видите ли, Елизавета Павловна, ту работу, которую я для вас запланировала, уже делает кто-то другой. Не могла же я вечность держать столь важную задачу без исполнителя.

— В таком случае я готова приступить к любой другой работе, которую вы мне поручите, — произношу уверенно и четко, хотя взгляды остальных сестер говорят о многом.

— Что же, так тому и быть, — Вера Игнатьевна встает из-за стола и выпрямляется во весь рост. — Все по своим местам. А вы, Елизавета Павловна, пройдите в чулан и возьмите ведро да швабру. В больнице полы должны быть чистыми. Ведь от этого зависит то, как быстро наши пациенты пойдут на поправку.

В удивлении открываю рот. Хочу что-то сказать. Но под грозным взглядом Гедройц онемеваю.

Я никак не ожидала, что буду выполнять роль уборщицы или санитарки. Не могла даже представить, что с моими знаниями и с моим опытом можно мыть полы. Особенно когда в палатах умирают бедные раненые солдаты и офицеры.

Но откуда хотя бы кому-то знать о том, какие у меня зна-

ния? Ведь для всех я самая обычная княжна — одна из многих, кто в это время решил посвятить свою жизнь медицине.

А ведь Гедройц тоже княжна. Вера Игнатьевна из весьма старого и известного рода. Но ее предпочтение, ее пристрастие к хирургии, совсем не соответствует статусу.

И ведь ей это не мешает. Она идет вперед, несмотря ни на что. Так почему же я должна на что-то смотреть?

— Будет исполнено! — наконец, выдавливаю из себя решительно.

— Вот и славно. В нашем деле не бывает мелочей, и вы должны это понимать, — одобрительно кивает врач.

— Я это понимаю, — киваю в ответ и разворачиваюсь, чтобы уйти. Но тут же замираю под властным голосом императрицы.

— Ваше рвение выше всех похвал, — произносит она тихо, но даже так чувствуется ее статус и власть.

Разворачиваюсь, чтобы поблагодарить за комплимент, но Александра Федоровна в сопровождении своих дочерей и еще тройки сестер уже покидают помещение. Теперь остается только гадать, ко мне это было обращено или нет.

Впрочем, это не важно. Я не нуждаюсь в комплиментах. Даже если они звучат из уст самой императрицы. Это всего лишь слова. А на деле мне по-прежнему остается лишь грязная работа.

Гордая и спрятавшая подальше свое эго, выхожу в коридор и направляюсь к чулану. Сегодня швабра и тряпка —

мои лучшие друзья. Но ведь если я не справлюсь с этим заданием, разве можно мне доверять что-нибудь более серьезное?

Как знать, возможно Вера Игнатьевна всего-навсего проверяет меня. Снова. Не знаю зачем, но она делает это.

И что мне это дает?

Нет, я не должна отступать. Не должна демонстрировать слабость, не должна показывать, что я слаба. Я должна идти вперед и делать то, что от меня требуется.

С этими мыслями достаю из чулана ведро, швабру и тряпку. Осторожно беру их в руки и направляюсь на кухню за горячей водой.

Но именно в этот момент замечаю знакомую фигуру, мелькнувшую в дверях одной из палат.

И я не сомневаюсь, что это именно он, капитан Корсак. Значит, все же мне самой удалось его найти.

Глава 11 Брат

Сразу за капитаном не иду. Во-первых, не хочу, чтобы он решил, что я намеренно за ним следую. Ну а во-вторых, я должна показать Вере Игнатьевне, что работаю. Не хочу из-за интереса к мужчине терять расположение начальницы.

Прохожу на кухню и поспешно набираю в ведро воду. Чуть разбавляю ее, чтобы не обжигала руки. А затем уже следую к столь интересной мне палате.

— Доброе утро! — обращаюсь к пациентам, которых мне, увы, нельзя лечить. — Прошу всех занять свои койки и поднять ноги. Мне нужно помыть полы.

— А что же мне делать, если я их на поле боя обронил, красавица? — смеется один из мужчин, лежащий недалеко от входа. — За ними ведь уже не воротишься.

— Вы главное язык не оброните, — в той же манере отвечаю ему.

Не собираюсь позволять кому бы то ни было шутить со мной. То, что я в молодом теле не делает меня саму молодой и наивной.

— Слышал, как Регмана отшили? — раздается смешок из дальнего угла.

— А чего он хотел? Без ног-то за такой красоткой не угнаться.

Палату наполняет громкий мужской хохот. Причем сме-

ются все присутствующие и даже мне самой становится смешно.

— Зато сами вы точно никуда не убежите, — улыбаюсь я уже дружелюбно. — Когда любовь ваша появится на горизонте, схватит и уже никогда не отпустит.

— А вы точно не любовь? — продолжает веселиться мужчина. — Я бы от такой красавицы и пытаться убежать не стал бы.

— Да что ты прицепился к ней? Видишь, красавице работать надо, а ты все одно ладишь.

— А ты коли сам жизнь устроить не желаешь, так другим не мешай, — отмахивается безногий.

Я тем временем отвлекаюсь от из беседы и с интересом осматриваю палату. Ищу Игоря Сергеевича. Я ведь знаю, что он здесь должен быть.

Вот только капитана в палате не нахожу. Как не нахожу вообще кого-либо, кто оказался бы не ее жителем.

Все здесь присутствующие оказываются ранеными. Все они лежат на кроватях. Одни общаются, другие с улыбками на лицах следят за ними. Но только один лежит лицом к стене и совершенно не участвует в происходящем.

Удивительно, как я его раньше не заметила.

Беру ведро с теплой водой, надеваю резиновые перчатки и опускаю в воду тряпку. Слегка поношенная, она все еще вполне пригодна для уборки. Хотя и выглядит непрезентабельно.

Смачиваю тряпку в ведре, тщательно отжимаю, наматываю на швабру. Все это время ощущаю на себе полные интереса взгляды голодных мужчин. Но один единственный из них по-прежнему не переводит на меня взгляд.

Вода стекает, оставляя за собой мокрый след на полу. Но я не сразу это замечаю. Все мое внимание приковано к мужчине. Почему-то мне кажется, что это и есть капитан Корсак.

Вот только не тот, о котором я изначально думала.

Опомнившись, начинаю протирать пол. От порога, медленно продвигаясь вдоль коек. Стараюсь не задеть чужие вещи, так и не убранные с пола.

Мужчины продолжают переговариваться, шутить, совершенно не обращая внимания на уборку. Я им больше не интересна. Даже безногий переключил свое внимание на рассказ своего соседа и больше не смотрит на меня.

Все ближе и ближе подхожу к кровати капитана. Да, это он. Теперь я не сомневаюсь в этом. Но по-прежнему хочу убедиться, что это брат, а не сам Игорь Сергеевич.

Но я все равно хочу увидеть его лицо, убедиться, что я права.

Тряпка скользит по полу, оставляя за собой влажный блеск. Еще немного...

Наконец, я оказываюсь рядом. Наклоняюсь, пытаюсь заглянуть, рассмотреть. Я вижу темные волосы, часть щеки. И тут... он резко поворачивается ко мне.

Его взгляд встречается с моим. В глазах читается уста-

лость, боль, и что-то ещё, неуловимое, но заставляющее меня вздрогнуть. Он же просто смотрит прямо на меня, не мигая, будто пытаясь прочесть мои мысли.

— Я могу вам чем-то помочь? — спрашивает он и голос его точь-в-точь голос брата.

Впрочем, как и сам он — его практически идеальная копия.

— Я... я... — теряюсь. Не знаю, что ответить.

— Да она всего лишь хотела смыть грусть с твоего лица! — подтрунивает кто-то из раненых.

А я только теперь понимаю, что на самом деле разница между братьями лишь в том, что Игорь был весел, а от Виктора так и веет грустью.

— Вы просто показались мне знакомы, — наконец, произношу я. — Я решила, что где-то видела вас прежде...

Не хочу говорить ему правду. Не хочу рассказывать о том, что искала его брата. И даже понять не могу, что именно заставляет меня это скрывать.

Наверное, я просто не хочу расстраивать капитана. Хотя совершенно не понимаю, почему он вообще может расстроиться.

— Вероятно, вы видели моего брата, — по непонятной причине в голосе Виктора появляется злоба. — И, признаться честно, я удивлен, что вы только видели его. Мне казалось, что он не способен пройти мимо красивой женщины.

— Возможно, вы плохо думаете о своем брате? — несмот-

ря на то, что я толком не знаю Игоря, меня задевают подобные слова о нем.

— Быть может это вы совершенно его не знаете? — хмыкает мужчина и снова отворачивается от меня.

А я резко разворачиваюсь и направляюсь прочь. Я не хочу, чтобы какой-то капитанишка указывал мне кого я знаю, а кого нет. Мне кажется, что я и сама смогу это решить.

Беру шабру, ведро и выхожу из палаты. Уже жалею, что ринулась сюда. Нужно было начать с какого-нибудь дальнего конца. Тогда, возможно, мы бы с ним и не встретились.

Вот только разве это что-то меняет? Я по-прежнему думаю об Игоре Сергеевиче. Но теперь еще и не знаю, как и где его искать.

Виктор Сергеевич Корсак

Виктор Сергеевич встретил нашу героиню очень негативно и даже грубо. Но почему? Что стало причиной такого поведения мужчины? Это нам еще предстоит узнать.

Глава 12 Восторг

— Ах, это так волнительно! — Татьяна Николаевна стоит рядом и во всех красках расписывает мне прошедший день. В то время, как я домываю последнюю палату. — Никогда бы не подумала, что смогу спокойно смотреть на кровь, да еще и восхищаться происходящим.

— В крови нет ничего страшного, — просто поддерживаю разговор. — К тому же, человек ко всему привыкает.

— А Вера Игнатьевна? Она просто волшебница! Иногда мне кажется, что случись надобность, она и вену сшить сумеет.

На это не отвечаю. У меня о Вере Игнатьевне совсем иное мнение. Она не способна правильно расставлять приоритеты. Как не способна и рассмотреть профессионала. И потому я весь день машу тряпкой вместо того, чтобы помогать тем, кто в этом нуждается.

— Вы можете только представить, на операцию привезли очередного раненого и Вера Игнатьевна...

Дальше княжну не слушаю. Она продолжает петь дифирамбы Гедройц еще хлеще, чем пели их на первом курсе института, когда рассказывали, к чему мы все должны стремиться.

Вместо этого домываю оставшийся нетронутым угол, и собираю инструмент.

Швабра, хочу заметить, совершенно не похожа на те, к которым я привыкла. Но за весь день я ни разу не разочаровалась в ней. В эти времена умели делать нечто простое, но невероятно удобное.

— И вот, взялась она за скальпель... — продолжает лепетать девушка. А я, едва касаясь, приобнимаю ее и предлагаю пройти за собой.

— Это невероятно! — добавляю на всякий случай. — Но я все равно хотела бы увидеть это вживую.

— Не переживайте, Елизавета Павловна, — улыбается девушка. — Вера Игнатьевна непременно возьмет вас в свои ассистенты. Вот увидите!

— Ах, скорее бы! Я уже так устала мыть полы...

Заявив это, беру инструмент и выхожу из палаты. Я действительно устала весь день махать тряпкой. Но больше всего я устала не от этого. Весь день я ходила из палаты в палату и весь день мне уделяли внимание солдаты и офицеры. Одни были вежливы и учтивы, другие грубы и настырны. Но всех их объединяло одно: голод.

В прошлой жизни часто слышала рассказы о романах врачей с их пациентами. Сама с этим не сталкивалась, но мне всегда казалось это чем-то неправильным. А здесь и сейчас это вообще кажется непозволительным.

Впрочем, я и не позволяла себе поддерживать их флирт. А порой и вовсе их игнорировала.

— А еще, вы представляете, Елизавета Павловна, после

обеда матросика привезли, — продолжает княжна. — Молоденький. Красивый. В ногу раненый, по верху бедра. Так его прямо голым перед нами и положили...

Татьяна Николаевна замолкает и заходится краской. Впервые что ли обнаженного мужчину видела?

— Спасли? — спрашиваю несколько безучастно.

— Что? Спасли?

— Да, матросика-то спасли? К вам же его спасти в операционную привезли, не так ли?

— Спасли матросика, — еще больше краснеет девушка. — Вот только не видела я, как операция шла. Я ведь как только заметила... его... там... Я сразу глаза ладонью закрыла. Вот так.

Княжна закрывает глаза ладонью и некоторое время так ее и держит. А потом раздвигает пальцы и одним глазом смотрит на меня.

— Вот так я всю операцию и пропустила, — добавляет она.

— Так действительно можно ничего вокруг не заметить, — смеюсь я, прекрасно понимая, что именно не позволило девушке следить за работой врача.

— Ой, а еще, — Татьяна Николаевна убирает руку от лица и приближается ко мне. Переходит на шепот. — Еще девоньки на выходных собираются на санях кататься. Тут неподалеку озеро есть. Берега крутые, сани так и летят — не остановиться...

— Отдыхать действительно нужно, — киваю, не понимая, к чему она ведет.

— Так ведь и нам с вами нужно отдыхать, Елизавета Павловна, — игриво улыбается она. — Вы ведь пойдете? Правда?

— Я? Может и пойду. Да вот только не знаю я, где можно сани взять, да куда нужно идти...

— Так это не проблема. И сани найдутся и дорогу покажут. Вы только согласитесь мне компанию составить.

— Разве сестра с вами не пойдет? — удивляюсь ее словам. — Или ее величество не пожелает с дочерью время провести?

— Маменька совсем не может. В Петербург она с папенькой отъезжает. Дела государевы решать надобно. А сестра... Ольга на свидание собралась. Да вы только не говорите никому. Ее величеству то неведомо.

— В таком случае пусть так неведомо и остается, — киваю в знак принятия. — А я с удовольствием компанию вам составлю, Татьяна Николаевна. Вот только ее величество Александра Федоровна отпустит ли вас со мной? Мы ведь едва знакомы.

— Ее величество будет думать, что с Ольгою я. А о прочем ей знать нет нужды. В конце концов, я уже взрослая и могу сама решать, куда и с кем ходить.

— Ну коли так, тогда и об этом стану молчать, — снова киваю я. А про себя думаю, что теперь точно обязана пойти

с княжной. Должна проследить, чтобы с ней чего дурного не стряслось.

— Вот и замечательно! — радуется Татьяна Николаевна. — Пойду тогда насчет санок договариваться. Всего три дня впереди осталось. Надо бы успеть.

Девушка разворачивается и уходит в другую сторону, а я дохожу до чулана, чтобы убрать орудия своего сегодняшнего труда.

Не сказала бы, что день сегодня выдался ужасный, но хотя бы не потрачен зря, как многие предыдущие. К тому же, я рассчитываю, что это самое начало моего великого пути в этом теле, в этой жизни.

Ставлю ведро и швабру, вешаю тряпку и закрываю чулан. Хочу направиться в свою палату, чтобы немного отдохнуть, но в этот самый момент из находящейся неподалеку двери до меня доносятся громкие голоса.

И я понимаю, что это Гедройц. Вот только с кем она ругается и почему я никак не могу понять.

Глава 13 Шрейдер

— Не забывайте, что вы здесь только по воле императрицы! — доносится крик из кабинета и навстречу мне вылетает высокий худощавый мужчина. — Попомните мои слова! Вам здесь не место! Хирургия — серьезная наука. Она не для женщин!

Мужчина пролетает мимо меня, словно пуля. Он одаряет меня лишь мимолетным взглядом, но и за это мгновение я успеваю заметить ярость в его глазах.

Похоже, здесь дело личное.

Некоторое время стою в дверях, не решаясь войти. Не уверена, что Вера Игнатьевна хочет кого-то видеть. Особенно после подобной перепалки. Но я не могу пройти мимо.

Осторожно приоткрыв дверь, я заглядываю внутрь. В кабинете царит беспорядок: на столе валяются какие-то бумаги, медицинские книги небрежно сброшены на пол, а Вера Игнатьевна стоит у окна, скрестив руки на груди.

Плечи женщины слегка подрагивают. Несмотря на свой рост, она кажется такой маленькой и хрупкой в этот момент, что совсем не похожа на ту Гедройц, которую я видела ранее. Не похожа на ту, о ком так много рассказывали на лекциях в институте.

Тихо вхожу, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Присматриваюсь к ней. Не уверена, можно ли ее

тревожить.

— Вера Игнатьевна? — все же решаюсь и робко зову ее.
— У вас все хорошо?

Женщина вздрагивает и резко оборачивается ко мне. На ее лице читается растерянность, но уже через мгновение оно вновь становится непроницаемым.

— Что-то случилось, Елизавета Павловна? — спрашивает она, будто не слыша моего вопроса. При этом ее голос звучит ровно и спокойно, как всегда.

— Я слышала... у вас тут была небольшая перепалка, — неуверенно начинаю я.

— Все в порядке. Не стоит беспокоиться. Это всего лишь небольшое недоразумение, — отмахивается Вера Игнатьевна, возвращаясь к своему столу и принимаясь собирать бумаги.

Женщина держится уверенно и строго, но я вижу, как дрожат ее пальцы, и понимаю, что все не так просто, как она пытается представить.

— Вера Игнатьевна, пожалуйста, не нужно притворяться. Я вижу, что вам нелегко. Может быть, вам станет легче, если вы расскажете, что произошло? — настаиваю я, подходя ближе.

Пытаюсь вспомнить хоть что-то из жизни Гедройц, но в голову приходят лишь её достижения в медицине. Именно им мы посвящали учебное время.

Тем временем Вера Игнатьевна поднимает на меня

взгляд, пронзительный, строгий. Она словно думает, стоит ли мне доверять. Но, наконец, вздохнув, произносит:

— Это был Шрейдер. Главный врач нашей больницы. Впрочем, вы наверняка его узнали.

— Узнала, — киваю я, хотя на самом деле не могла его узнать так как никогда не видела. Даже в учебниках. — Разве он имел право на вас кричать?

— Имел или не имел — дело десятое. Но пока он здесь заведует, жизни мне не будет. Как и любой другой женщине, пожелавшей заняться якобы мужской работой.

— Значит, все дело в том, что вы женщина? — спрашиваю, припоминая, что действительно слышала что-то об этом противостоянии.

— Мужчины не любят, когда их выставляют наравне с нами. А еще больше они не любят, когда заверяют, что мы лучше них.

— Но ведь нет разницы кто лучше, а кто хуже. Мы ведь делаем общее дело! — возмущаюсь, хотя прекрасно понимаю, что здесь возмущениями никак не поможешь.

— Конечно, нет разницы, Елизавета Павловна. В теории. Но в жизни, к сожалению, все иначе. Шрейдер считает, что место женщины — дома, а не в операционной. Он уверен, что наши руки созданы для воспитания детей, а не для спасения жизней. И никакие доводы, никакие мои успешные операции не способны изменить его мнение.

Я молчу, подбирая слова. Вера Игнатьевна, великий хи-

руг, вынуждена оправдываться перед каким-то самодуром лишь потому, что родилась женщиной. Это несправедливо.

Знаю, что в будущем она докажет всему миру свою значимость. Но это будет только в будущем. Сейчас же ей придется терпеть эту несправедливость. Точно, как и мне.

— Вера Игнатьевна, я не знаю, как вам помочь, но знайте, я на вашей стороне. И я верю, что рано или поздно справедливость восторжествует. Ваша работа говорит сама за себя, и я уверена, что многие в этой больнице разделяют мое мнение.

Гедройц слабо улыбается, и в ее глазах появляется благодарность и, даже, нежность. Она больше не кажется мне суровой. Я вижу, что за привычной всем маской скрывается самая настоящая и очень ранимая женщина.

— Спасибо, Елизавета Павловна, — произносит она тихо. — В нашем деле нельзя быть слабой. Как в операционной, так и в общении с другими людьми.

— Я ничего не видела, если вы об этом, — улыбаюсь я ей в ответ.

— Вот и замечательно, — Вера Игнатьевна снова отворачивается, но лишь на мгновение. Затем она словно вспоминает о чем-то важном: — Кстати, Елизавета Павловна, вы уже закончили с полами?

— Закончила, — докладываю уверенно.

— В таком случае, можете навести порядок в операционной. Там, насколько я помню, вы сегодня еще не были.

— Не была, — вздыхаю я. — Была уверена, что в этом помещении порядок кто-то да наведет...

— В наше время слишком мало рук для того, чтобы их пачкать, Елизавета Павловна. А ваши уже испачканы. Так почему бы именно вам не довести начатое до конца?

— Не могу с вами не согласиться, — киваю, разворачиваюсь и иду прочь.

Не хочу с ней спорить. Она — начальник. Заведующая хирургией. Именно от нее здесь зависит очень многое.

Но не все.

Выхожу из кабинета и вновь подхожу к чулану. Сегодня именно я выполняю роль уборщицы. И я должна с этим смириться.

Тем более, что я все равно не знаю, чем еще заниматься в этом мире.

Глава 14 Здорова

Три дня пролетают в работе и заботе.

Несмотря на моё рвение и старание, Вера Игнатьевна по-прежнему не допускает меня до хирургии. Но все же из статуса уборщицы повысила меня до младшей медсестры.

Бинты и мази стали моими лучшими друзьями. А раненые — моими поклонниками. Причем не всегда тайными.

— Что это вы, Елизавета Павловна, сегодня не в духе? Может подсобить вам чем? — стоит мне войти в одну из палат, тут же воодушевляется один из солдат.

— Плохо спала. Само пройдет, — отвечаю коротко, но ласково.

Не хочу, чтобы кто бы то ни было принял мою заботу за интерес, но в то же время не хочу и грубить. Мне ни к чему проблемы.

— Для хорошего сна требуются хорошие эмоции, — подключается другой. — Давайте мы с вами вечером прогуляемся по саду? Я вам настроение на всю ночь гарантирую.

— Да что вы прицепились к бедной девушке? У нее от вашего трепа настроение как раз и портится. Верно, красавица?

— Все хорошо, — так же спокойно отвечаю я и подхожу к пациенту, которому требуется сменить повязку. — Потерпи, миленький, сейчас больно будет.

— А я боли не боюсь, — хмыкает он. — Я ее там, на фронте, бояться перестал.

— Значит все хорошо пройдет, — улыбаюсь ему и снимаю повязку.

Мужчина морщится, стискивает челюсть, но терпит. Неужели все только для того, чтобы на меня впечатление произвести?

— Ну вот и все, — произношу, нанеся мазь и наложив свежий бинт. — Рана чистая. Скоро заживет.

— А может быть не надо, чтобы скоро? Может ее испачкать чем, чтобы подольше? — внезапно в его глазах появляется страх. И теперь ему становится совсем не до меня.

— Не надо ничего пачкать, миленький, — пугаюсь его реакции. — Успеет уже война закончиться. Пусть заживает.

Знаю, что не права. Знаю, что еще продлятся боевые действия. Но ведь нехорошо самому себе заразу сажать. Так ведь совсем глупо помереть можно.

— Точно закончится? — с надеждой смотрит на меня мужчина.

— А ты что это, сдрейфил, неужто? — доносится смешок со стороны.

— Да разве ж можно перед дамой-то? — присоединяется еще кто-то.

— Ничего не сдрейфил! — огрызается раненый, но не перестает с надеждой смотреть на меня. Словно только я его спасти могу.

— Все будет хорошо, — киваю и ухожу прочь.

Не хочу говорить ничего лишнего. Не хочу давать ненужные надежды. А хорошо в любом случае будет. Вот только не знаю, надолго ли.

Выхожу из палаты и направляюсь к следующей. К счастью, перевязкой я занимаюсь не в одиночку и у меня получается избегать палату, в которой лежит капитан Корсак.

После нашей последней встречи у меня остался неприятный осадок и видеться с капитаном мне совершенно не хочется. К тому же, мне очень обидно, что его брат так и не нашел время, чтобы найти меня.

Видимо, все же я ему оказалась не интересна.

— Елизавета Павловна, вы сильно заняты? — неожиданно ко мне подходит Вера Игнатьевна. — Можно вас отвлечь от работы?

— Можно... — замираю. Совершенно не ожидала, что Гедройц захочет со мной поговорить. Более того, я надеялась закончить с работой как можно скорее и отправиться гулять с Татьяной Николаевной.

— Я слышала, что вы собрались кататься на санках... — произносит она так, словно я решила сделать что-то предосудительное.

— Собралась. Разве нельзя?

— Очень даже можно, — качает она головой. — Вот только сперва я хотела бы посмотреть, как обстоят дела с вашими ранами. Зажили ли они достаточно, чтобы так рисковать.

Ее слова меня удивляют. Я многое могла подумать, но даже представить себе не могла, что на самом деле это самая настоящая забота.

— Да, конечно, смотрите, — соглашаюсь без колебаний, хотя сама прекрасно знаю, что все уже прекрасно зажило.

Следом за врачом прохожу в ее кабинет. Без тени смущения стягиваю с себя платье, открывая голый торс.

— Швы вышли аккуратными, — рассматривая меня, констатирует Гедройц. — Не болят? Не тянут?

— Все очень хорошо, — отвечаю сразу на все вопросы.

— Удивительно, как быстро и хорошо ваше тело восстановилось. После таких страшных укусов, я ожидала увидеть нечто куда более... некрасивое.

— Мне просто повезло, — улыбаюсь в ответ.

К счастью, я не видела, какими были эти раны. Не видела, каким образом я их получила. Но зато прекрасно ощущала, как они заживают.

— Будьте осторожнее, Елизавета Павловна, — качает она головой. — Говорят, что волка так и не поймали.

— Зато меня сумели спасти, — замечаю я. — А теперь я должна жить дальше. Даже несмотря на живущих рядом волков.

— Что же, в таком случае не смею вас более задерживать. Вы здоровы, Елизавета Павловна. Можете отправляться на ваше веселье.

— Правда? — не верю собственным ушам. Мне почему-то

казалось, что она все же найдет какие-нибудь причины оставить меня дома.

Но Гедройц кивает головой и значит, что в итоге у меня нарисовывается хороший отдых.

Вот только еще сани бы себе найти!

Глава 15 Поездка к озеру

Сборы на гулянку оказываются сложнее, чем я могла себе представить. Это обычный человек может себе позволить просто накинуть телогрейку и отправиться на озеро. С лицами императорской крови все обстоит совсем иначе.

— Татьяна Николаевна, стойте! Вы же так простудитесь! Наденьте уже шарф! — догоняет спешащую на улицу княжну молодая девушка, приставленная к ней императрицей.

Помощница, контролерша... Не помню. Княжна как-то называла ее, но как по мне, если бы не возраст Татьяны Николаевны, я бы смело называла девушку нянькой.

— Ах, перестань, — отмахиваться княжна. — Я же так спарюсь вся, пока с санями носиться буду.

— Да куда дойдете до озера, озябните вся, — не успокаивается та. — А назад? Назад-то как взмыленной да по морозу? Февраль на носу, а вы все теплитесь.

— Так ползимы же как-то пережила. Чай и сейчас не замерзну.

— Ой, нет на вас Александры Федоровны. А коли ведала бы...

— Так! — княжна останавливается и бросает на девушку грозный взгляд. — Давай уже свой шарф! И помни: маман не должна знать, что я без Ольги ездила. Понятно тебе?

— Понятно, ваше высочество! Еще как понятно. Вы только простыть не извольте.

— Я прослежу, чтобы ее высочеству было комфортно и безопасно, — подключаюсь я.

Решаю, что нужно все в свои руки брать. Иначе мы и к ночи до озера не доберемся.

— Точно проследит! — благодарно кивает княжна. — Вы видели, как ловко Елизавета Павловна с бинтами управляетс? Наверняка и о простуде многое знает.

— Многое, — киваю я. — И вам, Татьяна Николаевна, шарфик лучше надеть. Не навредит.

— Вот видишь, — с укором смотрит она на растерявшуюся девушку. — Елизавета Павловна о том же говорит. Значит сумеет позаботиться обо мне, да проследить, чтобы не замерзла.

— И все равно мне спокойнее было бы с вами поехать, Татьяна Николаевна. Я ведь коли что случится, как в глаза ее величеству смотреть-то буду?

— Не случится со мной ничего, — фыркает княжна и разворачивается. — Пойдемте, Елизавета Павловна. Нас ждет веселье!

Княжна, весело щебеча, выбегает на улицу, и я спешу за ней. Нам обоим не терпится повеселиться. И я, проникнувшись атмосферой, забываю обо всем и чувствую себя маленькой девочкой.

У крыльца нас ждут огромные сани, обитые темно-зеле-

ным бархатом. Но мое внимание больше привлекают лошади. Две гнедые кобылы, рослые, с лоснящейся шкурой и густыми гривами. Они стоят, пофыркивая морозным воздухом.

Какая мощь и грация в этих животных! Их мускулы перекатываются под кожей, а широкие копыта уверенно стоят на утопанном снегу. Невозможно не восхититься их красотой и силой.

Тем временем Татьяна Николаевна уже забирается в сани, манит меня рукой. Ей не понять моего восторга, а я не спешу им делиться.

Устроившись поудобнее среди теплых меховых пледов, я с восторгом жду, когда начнется поездка. Меня всегда впечатлял конный транспорт, и я рада, что появилась возможность испытать, что это такое.

Убедившись, что мы готовы, кучер взмахивает вожжами, и лошади, легко рванув с места, уносят нас по заснеженным аллеям Царского Села.

Сани плавно скользят по дороге, оставляя за собой глубокий след. Ветер бьет в лицо, но совершенно не мешает получать удовольствие от происходящего.

Вокруг простирается зимняя сказка. Деревья, укутанные в искрящийся снег, кажутся хрустальными изваяниями. Солнце, пробиваясь сквозь легкую дымку, окрашивает пейзаж в нежные пастельные тона. Воздух чист и свеж, с легким морозным покалыванием... Просто невероятно!

Я с восторгом наблюдаю за проплывающими мимо пейзажами, восхищаясь тихой красотой русской зимы. А ведь мне неоднократно приходилось бывать в Царском селе зимой. Но в свое время. А там все выглядело как-то иначе, серо что ли...

Въезжаем в лес, где ели и сосны стоят, словно великаны в белых шубах. Ветки деревьев склоняются под тяжестью снега, образуя причудливые арки. Кажется, что мы попали в волшебный мир, где правит тишина и спокойствие. Даже легкий звон бубенцов, привязанных к упряжи, не нарушает этой умиротворяющей атмосферы.

Татьяна Николаевна, довольная прогулкой, щебечет о предстоящем веселье на озере. А мне хорошо и радостно уже сейчас. Забыв о заботах и тревогах, я просто наслаждаюсь моментом, люблю красоту природы и радуюсь возможности провести время в такой приятной и крайне необычной компании.

Сани, словно вырвавшись из объятий заснеженного леса, вылетают на открытое пространство. И тут же взору открывается невероятное зрелище — огромное, застывшее озеро. Лед, покрытый толстым слоем снега, кажется бриллиантовой россыпью, искрящейся под лучами солнца. Берега озера утопают в пушистых сугробах, а дальние леса, окутанные дымкой, придают пейзажу особую глубину и таинственность.

Замираю, пораженная красотой открывшегося вида. Мой взгляд скользит по ледяной глади, выхватывая детали —

причудливые узоры, созданные ветром на снегу, тонкие ветви деревьев, окутанные инеем, отблески солнца, играющие на сверкающей поверхности. Кажется, что само время остановилось, позволяя насладиться этим моментом единения с природой.

Вдалеке уже виднеются фигурки людей, катающихся на санках и коньках. Доносится их веселый смех, звонкий и радостный, как рождественские колокольчики. Это оживление еще больше контрастирует с тишиной и спокойствием окружающего пейзажа, создавая ощущение праздника и волшебства.

Татьяна Николаевна, не в силах сдержать восторг, хлопает в ладоши и торопит кучера прибавить ходу. Мне же хочется еще немного задержаться, насладиться моментом тишины и умиротворения, но предвкушение грядущего веселья берет верх.

И вот уже кобылы, взметнув облака снежной пыли, мчат сани к озеру. Сердце бьется чаще, наполняясь предвкушением радости и беззаботного времяпрепровождения. Как же хочется поскорее присоединиться к веселящимся и забыть обо всем на свете, погрузившись в атмосферу русской зимы и детской непосредственности.

А ведь случись подобное в моем времени, я бы просто прошла мимо, спеша куда-то по делам.

Даже не верится, что в этом мире все может проходить так неторопливо и безмятежно.

Даже не верится, что на все это может хватать времени.

Глава 16 Веселье

— Ах, какая красота! — восклицает Татьяна Николаевна, когда мы оказываемся перед толпой веселящихся людей.

Здесь дети и взрослые веселятся одинаково задорно. Кажется, что в этот миг между ними совершенно нет разницы. Кажется, что здесь не существует возраста.

— Право же, не думала, что будет так красиво, — говорю о природе, хотя и меня впечатляет представшая перед нами картина.

— Царское село и его окрестности всегда славились красотой, — кивает княжна. — И здесь всегда царила невероятная атмосфера. Папенька рассказывал, что и сам в молодости любил здесь гулять. Это сейчас у него долг перед государством и полное отсутствие времени.

— Его долг очень велик. Как и его ответственность, — вздыхаю, даже не представляя, как же это должно быть тяжело.

— Но и наш долг не многим меньше. Потому, Елизавета Павловна, предлагаю сегодня веселиться по полной. Ведь завтра веселья может уже и не быть.

— Не могу с вами спорить, ваше высочество, — смеюсь я и девушка поддерживает мое веселье своим задорным смехом.

Необычно вот так легко и просто общаться с дочерью им-

ператора. Никогда бы прежде не подумала, что она может быть такой открытой и доброй, такой обычной и доступной.

Смеясь, мы проходим к озеру, где нас уже ждет мужчина с санками в руках. Не знаю, кто это такой, но судя по тому, как он перетаптывается с ноги на ногу, ждет он нас уже достаточно долго. Оно и ясно, ведь сообщить о времени прибытия мы не могли, а не встретить великую княжну не мог он.

— Ваше высочество, санки готовы. Извольте прокатиться, — рапортует мужчина, косясь на меня.

— Изволю, — кивает княжна и принимает веревку в руку.

— И Елизавета Павловна так же изволит.

— Благодарю, — киваю, принимая веревку от своих санок.

— Для вас, барышни, я отдельную горку приберег. Никому на ней кататься не велено. Только для лиц императорской крови.

— Отчего же только для лиц? — негодует Татьяна Николаевна. — А ну-ка, пустите ребятишек туда. Что же это они в тесноте, а мы в одиночестве? Так ведь никакого веселья не выйдет.

— Но я же для вас... Для безопасности... — теряется мужчина.

— Мы и так будем в безопасности. Верно, Елизавета Павловна?

— Верно, Татьяна Николаевна. Ребятишек можно пустить. Что они нам дурного сделают?

— Вот и я говорю, что ничего, — улыбается она. — Вы нас слышали?

— Будет исполнено, ваше высочество, — кланяется мужчина и немедленно устремляется к веселящейся толпе.

Вскоре в сторону высокой и свободной горки устремляется группа звонко смеющихся детей. Они бегут, обгоняя друг друга, подпрыгивая и шутя. И от этого становится еще радостнее.

— У вас очень доброе сердце, — обращаюсь к княжне, еще больше ею восхищаясь.

— Мы с вами тоже люди, Елизавета Павловна. Нет разницы императрица, княжна или простой люд. Всем нам одинаково принадлежат эти земли.

— Очень приятно это слышать, — улыбаюсь, хотя где-то в глубине души чувствую боль. Боль от того, как это самое равноправие приведет к трагедии для всей императорской семьи.

— Пойдем веселиться, Елизавета Павловна, — княжна хватает меня за руку и тянет за собой. — Посмотрите, вон, ребяташки в ряд выстроились, не изволят кататься, пока мы не проедем.

— В таком случае нельзя медлить, соглашаюсь и спешу следом за ней.

Отбрасываю все мысли в сторону. Сейчас я не хочу думать ни о чем серьезном. Да и вообще, какой смысл думать о том, чего я никак не могу изменить?

Подъем на горку оказывается не таким уж простым делом. Деревянные ступени скользкие от налипшего снега, и приходится держаться за перила, чтобы не поскользнуться.

Татьяна Николаевна, смеясь, подталкивает меня вперед, не давая возможности остановиться и перевести дух. Кажется, что ей подъем дается легче. Но так это или нет, я не знаю.

Наконец, мы оказываемся на вершине. Отсюда открывался чудесный вид на заснеженное озеро. Отсюда оно выглядит еще красивее, чем прежде.

Внизу, у подножия горки, собралась толпа ребят, с нетерпением ожидавших нашего спуска. Не знаю, это дань уважения великой княжне или указ встретившего нас мужчины, но ясно, что именно нам представлена честь прокатиться первыми.

От предвкушения сердце начинает биться быстрее. Татьяна Николаевна садится на свои санки, толкает их и они устремляются вниз. Княжна с визгом и хохотом скатывается до подножья, где ее встречает веселящаяся толпа ребят.

Следую ее примеру. Так же сажусь на санки. Толчок, еще толчок и они срываются с места, унося меня за собой.

Ветер свистит в ушах, щеки обдает морозцем, а в животе щекочет от восторга.

Мне радостно и весело. Мне становится так хорошо и легко, что, кажется, прежде никогда так хорошо и легко не бывало.

Санки несутся по ледяной поверхности, подпрыгивая на

кочках, и я невольно вскрикиваю от неожиданности. Но этот крик наполнен радостью и весельем. Он наполнен счастьем.

— Ну что, понравилось? — с улыбкой и аплодисментами встречает меня Татьяна Николаевна.

— Безумно! — отвечаю, не в силах сдержать смех. — Это так здорово! Так невероятно, что...

— Что хочется повторять это снова и снова! — заканчивает она за меня. — Ну что, ребята, все наверх! Пора веселиться!

Ребятишки тут же срываются с места и наперегонки стремятся наверх. Одни поднимаются по лестнице, другие умудряются идти рядом с ней. Некоторые падают и скатываются обратно вниз. Но все это происходит с задорным смехом.

Невероятно приятно наблюдать за происходящим. Хочется вместе с ними бежать и смеяться. И весь мой прожитый опыт, все мои годы прошлой жизни куда-то испаряются, оставляя место легкости и чувству свободы.

Татьяна Николаевна берет свои санки и спешит за ребятами. Она тоже чувствует себя маленькой и беспечной. Я вижу, чувствую это.

И я следую ее примеру. Сжимаю посильнее веревку и тяну за собой сани. Хочу как можно скорее вновь скатиться вниз и испытать это невероятное потрясающее ощущение.

Вот только не успеваю пройти и десятка шагов, как меня окрикает приятный мужской голос:

— Елизавета Павловна, это вы? Неужели я вас встретил?

Глава 17 Признание

— Игорь Сергеевич? — смотрю на капитана и не верю своим глазам. — Я думала, что уже не увижу вас.

— Прошу меня простить, но я не смог прийти в больницу, — с грустью в голосе произносит он. — Брата я отыскал в тот же день, да вот беда. Срочное дело на линии фронта заставило меня покинуть Царское село. Приказ его величества. Вы же понимаете?..

— Понимаю, — киваю я, а сама не в себе от радости.

Не знаю почему, но мне невероятно приятно находиться рядом с этим властным, но в то же время мягким человеком. Мужчиной!

— А вы здесь на санках кататься приехали? — капитан меняет тему, переводя взгляд на мои санки.

— Ее высочество Татьяна Николаевна великодушно пригласили меня составить компанию. А я великодушно согласилась, — киваю, чувствуя, как краснеют мои щеки.

Но сейчас хотя бы можно списать это на мороз.

— Выходит, что я вам мешаю? — спрашивает он, приподнимая бровь. — Скажите тогда, будет ли момент, когда я смогу вас украсть у ее высочества?

— Думаю... — оборачиваюсь и смотрю на поднимающуюся наверх княжну. Та не останавливается. Увлеченная весельем, она поднимается совершенно не замечая, что меня

нет рядом. — Думаю, что вы можете спросить это у нее самой, когда она спустится вниз.

— Надеюсь, что княжна не ответит мне отказом. Не выдержу больше ни мгновения без вашего внимания, — улыбается капитан. — Я непременно должен понять, готовы ли вы ответить на мои чувства взаимностью.

— Взаимностью? На ваши чувства? — даже теряюсь от такого поворота. — Но... каковы же ваши чувства, Игорь Сергеевич?

— Я влюблен в вас, Елизавета Павловна. Влюблен так сильно, что сам не верю в возможность таких чувств!

— Но, если вы не верите в них, как же могу в них поверить я? — понимаю, что капитан всего лишь старается говорить красиво, но его слова меня смущают.

— От этих чувств все внутри все разрывается на части. Мое сердце пронзает сотнями иголок от одной только мысли, что я больше никогда вас не увижу. Разве такое сильное чувство не может называться любовью?

— Быть может это всего лишь влечение? Желание близости и не более того? — боюсь принимать его слова. Особенно после слов его брата.

— Скажите мне, Елизавета Павловна, разве мог бы я испытывать это чувство все время нашей разлуки, если бы не любил? Разве стал бы я страдать, не в силах терпеть эту разлуку?

— Думаю, что... — хочу что-то возразить, но не нахожу

нужных слов. Капитан говорит очень складно, а я слишком сильно хочу ему верить. Ведь мне он нравится и его чувства могли бы позволить раскрыться моим.

— Елизавета Павловна, я не собираюсь обманывать вас. Я хочу лишь постараться завоевать ваше сердце. Ведь моя любовь чиста и заслуживает шанс оказаться взаимной.

— Заслуживает, — киваю, тая от его слов.

Капитан Корсак прав. Он действительно не делает ничего плохого. Он просто признается мне в чувствах, не требуя ответа немедленно.

Неужели это и есть та самая половинка, про которую раньше говорила Татьяна Николаевна?

Хотела бы я в это верить, но мой жизненный опыт подсказывает, что порой то, что скрыто у мужчин в штанах способно творить речи куда красивее, чем то, что расположено в голове.

— Елизавета Павловна, что же вы не поднялись следом? Это же так весело! — звонкий голос великой княжны вторгается в мои мысли. — Неужели капитан сумел отвлечь вас своими рассказами?

— Что? Рассказами? — непонимающе смотрю на нее.

— Ну как же! Известное дело. Люди военные, а особенно фронтовые, мастаки рассказывать такие интересные истории, что аж сердце заходится. Не так ли, капитан.

— Так ваше высочество, — улыбаясь кланяется Игорь Сергеевич. — Да вот только Елизавете Павловне я не исто-

рии рассказывал. Я открывал ей сердце, признаваясь в самых прекрасных чувствах, которые к ней испытываю.

— Ах, капитан, какой же вы галантный! — веселится Татьяна Николаевна, принимая его слова всей своей детской наивностью. — Елизавета Павловна, вам повезло слышать такие откровения. Надеюсь, вы не останетесь равнодушны к столь пылкому признанию. Ну а я не стану вам мешать.

Княжна уходит, оставляя нас наедине. Похоже, что она совсем не против того, чтобы я погуляла в стороне от нее.

Впрочем, что может случиться?

Поворачиваюсь к Игорю Сергеевичу и чувствую, как краска заливает мои щеки. Слова княжны смутили меня еще больше. Кажется, только я одна пытаюсь найти подвох.

Смотрю на Игоря Сергеевича и вижу, как в его глазах плещется надежда и неподдельная нежность.

А что, если они настоящие? Что, если это на самом деле любовь? Та самая, которая случается с первого взгляда...

— Игорь Сергеевич, — начинаю я, стараясь говорить спокойно, — ваши слова приятны мне, но я должна честно признаться, что мне нужно время, чтобы разобраться в собственных чувствах. Жизнь научила меня быть осторожной, и я не могу просто так довериться первому, признавшемуся мне в любви мужчине.

Игорь Сергеевич внимательно слушает каждое мое слово, не прерывая и не перебивая. И несмотря на суть сказанного, он мягко улыбается.

— Я понимаю вас, Елизавета Павловна. И ни в коем случае не требую немедленного ответа. Я готов ждать столько, сколько потребуется, лишь бы у меня был шанс завоевать ваше сердце. Просто позвольте мне быть рядом, позвольте заботиться о вас и доказывать искренность моих чувств. А сейчас... Давайте сейчас мы просто прогуляемся по этому прекрасному месту и поговорим обо всем на свете.

— Не вижу смысла возражать, — соглашаюсь я и беру капитана под локоть. — Ведите меня, капитан!

Глава 18 Прогулка

— Вы хорошо знаете эти места, Игорь Сергеевич? — спрашиваю, когда мы отходим от веселящейся толпы подальше.

— Я родился недалеко отсюда. Здесь же и вырос, — кивает капитан. — Думаю, что не совру, если скажу, что эти места знакомы мне, как собственный дом.

— Значит вы с легкостью сможете показать мне самые красивые места, — улыбаюсь ему.

Лично я эти места знаю не очень хорошо. Да, я бывала здесь пару раз. Но это было в моем времени. А значит, часть красоты этого места была утеряна.

— Для меня здесь красиво абсолютно все. Но я не могу не упомянуть, что самая красивая здесь вы, Елизавета Павловна.

— Вы очень галантны, Игорь Сергеевич. И все же, я предпочла бы меньше времени уделять мне и больше всему вокруг.

— Видите тот лес? — неожиданно, капитан Корсак замирает. Он указывает на темную стену деревьев, макушки которых подернуты серой дымкой.

— В нем есть что-то необыкновенное? — всматриваюсь, но не могу понять, что именно должно меня в нем заинтересовать.

— За этим лесом располагается поместье моей семьи. Большой дом, прекрасный сад, красивые пейзажи... Вы хотите, чтобы я показал вам самое красивое место в окрестностях Царского села? Тогда я обязан пригласить вас к себе домой.

— Боюсь, что сегодня не подходящий случай для гостей, — пугаюсь его предложения. — Я обещала сопровождать Татьяну Николаевну и не смею далеко отлучаться от нее.

— И тем не менее, она позволила вам совершить прогулку со мной...

Капитан прав. Великая княжна действительно позволила мне сделать это. Вот только возвращаться домой в одиночестве она точно не захочет.

— Думаю, что этот визит следует отложить на потом. К тому же, сейчас уже позднее время для гостей. Вам так не кажется, Игорь Сергеевич?

— Ни в коем случае не настаиваю на этом дне. Но я искренне рассчитываю на вашу благосклонность Елизавета Павловна. Искренне желаю, чтобы вы не оставили без внимания мою скромную просьбу осветить мой дом вашей блистательной красотой.

— Ни в коем случае не оставлю, — улыбаюсь я. Но тут же замираю от испуга: — Ой! Что это такое было?

Указываю на кусты, расположенные в десятке метров от нас.

— Я ничего не видел, — настораживается Игорь Сергее-

вич. — Вам не могло показаться?

Всматриваюсь в кусты, но ничего не нахожу. Но я ведь видела большую темную фигуру, мелькнувшую на белом снегу.

— Мне кажется, что там кто-то был. Кто-то большой и страшный... — на этот раз произношу неуверенно.

Не могу понять, показалось мне это или на самом деле здесь кто-то был. Но если был, то кто? Для зверя великоват, а для человека мал.

— Позвольте я проверю, — смело заявляет капитан и уверенно делает шаг вперед.

— А что, если он слишком опасен? Куда же вы на него с голыми руками? — пугаюсь его намерений.

— Голыми или не голыми, а со зверем как-то совладаю. Да и не может он таким большим быть, чтобы с человеком управиться. Чай не медведь.

— На медведя не похож, — соглашаюсь я. — Да ведь не только медведь страшен бывает.

— Мой дед медведя голыми руками валил. Неужели мне сил не хватит управиться? — усмехается Игорь Сергеевич и направляется к кустам.

Внимательно слежу за ним. Стараюсь не упускать из вида ни самого капитана, ни расположенные перед ним кусты. Не знаю, чем это может помочь, но при необходимости я хотя бы смогу позвать на помощь.

— Будьте осторожны, — напутствую, искренне переживая о нем.

Боюсь, что может произойти что-то нехорошее. Ведь мы ушли уже достаточно далеко от веселящихся людей и нас вполне могут не услышать.

Игорь Сергеевич идет не останавливаясь. Он выглядит уверенным в своих действиях. Кажется, будто он знает, что ничего плохого не может произойти. Но так ли это на самом деле?

Стою и вся дрожу от страха. Но почему? Что может меня так пугать?

Мой страх кажется мне иррациональным. Кажется, что этот страх идет откуда-то изнутри. Будто он — следствие какого-то пережитого ранее несчастья.

Но ведь со мной прежде не случалось ничего похожего на сложившуюся ситуацию. Я никогда не была в опасности в зимнем парке, а особенно в Царском селе.

Разве что настоящая Елизавета Павловна попадала в такую неприятность...

— Здесь никого нет! — кричит мне зашедший за кусты Игорь Сергеевич. — Совсем никого.

От его слов становится легче. Но ненадолго.

Краем зрения я замечаю темную фигуру, мелькнувшую справа от меня. Поворачиваюсь, чтобы проверить, что это было, но тут же замираю в ужасе.

Ведь на меня со всех ног несется огромный волк. И что-то подсказывает, что он со мной уже встречался...

Дорогие читатели!

Поздравляю вас с наступившим Новым 2026 годом!

Желаю, чтобы в этом году вас ждали только самые светлые и интересные истории как на страницах книг, так и в реальной жизни.

С праздником!

Глава 19 Рык

— Рык, ко мне! Ко мне! — доносится издалека, но я совершенно не понимаю, что значат эти слова.

Я просто стою и смотрю, как огромный серый зверюга несется прямо на меня. Его пасть открыта в оскале. Его глаза полны ярости.

Нет сомнений, что еще одно мгновение и волк набросится на меня.

— Рык, стоять! Кому говорю, стоять! — продолжает кричать какой-то неизвестный мне мужчина.

Но если передо мной тот самый Рык, если этого волка действительно так зовут, то останавливаться он явно не собирается.

Делаю шаг назад. Непроизвольно. Просто тело подается в эту сторону, и я пытаюсь удержать равновесие.

Но разве можно спастись от зверя, просто сделав шаг? Разве можно избежать встречи с ним?

Елизавете Павловне не удалось это сделать. Не сомневаюсь, что и у меня это вряд ли получится.

— Рык, стоять, будь ты негоден! — еще одна тщетная попытка.

И в этот самый момент волк оказывается рядом со мной. Прыжок...

Я закрываю глаза, чтобы не видеть происходящее. Готов-

люсь к худшему. Готовлюсь к боли. Не знаю, сумеет ли и на этот раз меня спасти Вера Игнатьевна.

«Господи, помоги!» — проносится мысль у меня в голове и в этот момент что-то теплое и пушистое касается моей руки.

И на этом все.

Меня никто не валит с ног, никто не вгрызается своей пастью мне в горло. Волк просто поносит мимо, совершенно меня не тронув.

Какое-то время еще стою не в силах пошевелиться, не в силах открыть глаза. Не верю, что все закончилось. Не верю, что зверь пробежал мимо.

— Ох, окаянный! — раздается мужской голос уже рядом. — Вы уж простите, сам не знаю, как с повода сорвался. Он ведь сторожевой. А тут такое...

Возле меня оказывается одетый в старый растрепанный кафтан небритый мужик. На ногах его пуховые штаны, а вместо сапог валенки. Видимо кто-то из деревенских.

— Я... я не знаю... — мямлю я, открыв глаза и судорожно выискивая лишь чудом оставившего меня нетронутой зверя.

— Елизавета Павловна, как вы? — подбегает ко мне Игорь Сергеевич. — Целы? Невредимы?

— Цела, — киваю. А сама на автоматизме начинаю себя ощупывать. Вдруг не совсем невредима?

— Что же это вы за собаками не следите?! — со злостью бросает капитан в сторону хозяина собаки. Хотя я по-преж-

нему сомневаюсь, что это была именно собака. — Вам что, проблем захотелось?

— Что же вы сударь бранитесь? Я же...

— Мне не нужны ваши отговорки! Коли взялись за собаку отвечать, так извольте!

— Но я...

— Что вы? — заходится капитан Корсак. — Вы едва целую княжну не погубили. Понимаете вы это или нет?

— Я-то понимаю, да только...

— Не может быть никаких только! — не дает тому продыху мой защитник. — Эта дама дорога моему сердцу. И если бы ваша нерасторопность привела к плохому...

— Игорь Сергеевич, перестаньте, — наконец придя в себя, вклиниваюсь я в их брань. — Все обошлось. Я цела и невредима. А вам, — поворачиваюсь к опешившему от происходящего мужчине, — вам я посоветую внимательнее смотреть за своим зверем. Где он сейчас? Куда убежал?

— Туда и убежал, — машет мужчина рукой, указывая в сторону озера. — Да вернется он. Чай, дорогу знает.

— Но там ведь люди! Там дети! А что, если он...

Закончить фразу не успеваю. В этот момент зверюга выбегает из-за деревьев, огибает нас по дуге и снова скрывается за деревьями. В том направлении, откуда появился в первый раз.

— Ловите же его! — требую я от мужика. — Он же опасен!

Только сейчас я убеждаюсь, что это действительно пес. Вот только внешне он очень похож на волка. Может быть даже крупнее размером.

— Ох я его поймаю! Ох тогда трепу задам! — взрывается мужик и бежит следом за псиной.

Но что-то мне подсказывает, что вряд ли он сдержит свое обещание. По поведению собаки похоже, что ее совершенно никто не дрессирует и она никого не слушает и не боится.

А это очень плохой знак.

— Елизавета Павловна, позвольте я провожу вас обратно до озера, — подходит ко мне Игорь Сергеевич и берет меня за руку. — Думаю, что на сегодня прогулку стоит считать законченной.

— Отчего же? — не соглашаюсь я, хотя на самом деле собираюсь принять предложение капитана. — До озера ведь тоже можно прогуляться. Не так ли?

— Вы совершенно правы. И, признаться честно, я восхищен вашей реакции и вашему самообладанию. Ведь это было действительно страшно.

— Я осталась цела и невредима — вот, что главное. Все остальное пустяки.

— Вы не перестаете меня удивлять Елизавета Павловна, — предлагая мне локоть, заявляет Игорь Сергеевич. — Красивы, умны, добры, да еще и смелы. Просто невероятно!

— А вы щедры на комплименты, Игорь Сергеевич, — не уступаю ему. — Вот только красивые слова еще не признак

любви. Любовь определяется в отношении и в поступках.

— Скажите, что я должен сделать, чтобы доказать вам, что вы действительно мне дороги, и я пренебреженно сделаю это.

— Ах, Игорь Сергеевич, неужели вы сами не сумеете придумать чего-нибудь, что позволит вам доказать свою любовь ко мне? — удивляюсь я. — Ведь существует так много всего, с помощью чего можно это сделать.

— И я непременно отыщу ту из них, которая не позволит вам далее сомневаться в моих чувствах, — кивает он. — А сейчас я считаю своим долгом отвести вас обратно к ее высочеству. Наверняка она уже начала тревожиться.

— В этом вы правы, капитан. Да и мне самой не следует надолго оставлять великую княжну без присмотра. Ведь я обещала, что с ней все будет в порядке, — соглашаюсь с ним и вместе мы идем в сторону озера.

Прогулка оказалась эмоциональнее, чем я могла предположить и хорошо, что все хорошо завершилось.

Вот только в глубине души по-прежнему очень тревожно. И в чем причина этой тревоги я никак не могу понять.

Глава 20 Непонятное поведение

Следующая неделя пролетает незаметно. В моей прошлой жизни суббота и воскресенье считались выходными. Здесь же, в условиях госпиталя, эти дни ничем не отличались от остальных. Вся жизнь здесь смешивается в одно бледное пятно.

Бесконечные перевязки чередовались обработыванием ран, а часы превращались в минуты. Но я совершенно не обращала на это внимание. Ведь теперь у меня был Игорь.

На этот раз капитан сдержал слово и на следующий же день приехал ко мне. К несчастью, я тогда была сильно занята и моему кавалеру пришлось занимать себя другими делами. Которые, к слову, окончились его ссорой с братом.

Не знаю, чего они там не поделили, но от из криков вся больница стояла на ушах.

Зато вечером мы очень даже спокойно прогулялись по парку и даже кружили под падающим снегом под мелодию слышимого лишь нам вальса.

И, наверное, только это воспоминание теперь позволяет мне мириться с тяжестью моей новой жизни.

— Красавица, будь понежнее, а? — просит меня очередной раненый.

Я понимаю, чего он боится. У бедолаги и так ампутировали половину ноги, но гангрена продолжает развиваться.

ся. Каждое мое прикосновение причиняет ему нестерпимую боль. Но я тут совершенно ничего не могу сделать.

— Постараюсь, миленький, — успокаиваю его и стараюсь быть предельно осторожной. Но все мои старания тщетны.

Под дикий крик мужчины, делаю свое дело. Не обращаю внимание на запах и вид. Я должна делать все возможное, чтобы спасти его. Должна помогать невзирая ни на что.

И я буду делать это ровно столько, сколько от меня требуется.

— Вот и все, мой хороший, — заканчиваю с перевязкой и отхожу в сторону.

Слышу, как за моей спиной раздается выдох облегчения, за которым следует молитва.

Мысленно молюсь вместе с ним. Прошу у Всевышнего, чтобы тот помог беднягам, на находящимся на грани смерти. Прошу, чтобы они выжили, пошли на поправку.

Из одной палаты перехожу в другую, а за ней и в третью. И так по ставшему уже привычным кругу.

Кажется, что я знаю всех своих пациентов в лицо. Многих знаю по именам. И все они мне дороги. Всех я хочу спасти.

На своем этаже я работаю с еще одной сестрой. Мне отведено правое крыло, а ей левое. Но в случае возможности мы помогаем друг другу. Точно, как и сестрам с других этажей.

Так и сейчас я заканчиваю со своей частью работы и перехожу на другой этаж. Здесь работы больше, с раннего утра подвезли новых раненых и моя помощь просто необходима.

— Возьмите дальние палаты, — просит меня Ольга Николаевна и я с охотой соглашаюсь.

Насколько мне известно, в предоставленных мне палатах лежат те, кто уже готовится к выписке и те, чьей жизни ничто не угрожает. Значит и работа здесь легче и приятнее.

— Добрый вечер, — захожу в самую дальнюю палату с широкой улыбкой.

Не сомневаюсь, что улыбающаяся сестра дарит куда больше ощущение уверенности в лучшем, чем хмурая и недовольная.

— Начнем с вас, — подхожу к первому пациенту и осматриваю его с ног до головы. — Как вы себя чувствуете?

— Хоть сейчас в бой, — смеется он. — Да вот только не добегу уже. Без ног-то тяжело будет.

— Значит и не надо вам на фронт. Вы и здесь полезны окажетесь. Сейчас говорят в Петрограде вон, сколько работы.

— А коли я окромясь войны и не умею ничего? Что же вы мне тогда прикажете делать, голубушка?

— А вы тогда в оружейное дело идите, — подсказываю, осматривая заживающие обрубки ног. — Дело это вполне военное. Вот и пригодитесь.

— А что? Это я могу! Я же в этом кое-что да понимаю!

— Вот и славно. Вот и придумали! — заключаю я и разворачиваюсь к следующей кровати.

Вот только лежащий на ней мужчина тут же встает и, не

говоря ни слова, хромая на правую ногу направляется к выходу.

— Мужчина, постойте, — обращаюсь к нему в полной уверенности, что двигаться ему нельзя. — Позвольте я сперва вас осмотрю.

— Мне не нужна ваша помощь и ваш осмотр, — фырчит он, не оборачиваясь, и продолжает хромать дальше.

— Позвольте не согласиться! Вы находитесь в больнице и обязаны... — догнав пациента я заглядываю ему в лицо и замираю, не в силах больше ничего сказать.

Передо мной стоит Виктор Сергеевич. Капитан Корсак. Брат моего Игоря!

И смотри он на меня очень недобро. Будто я ему что-то плохое сделать смогла.

— Если вам не нравится мое поведение, верните меня на фронт! — бросает он и продолжает путь.

А я стою не в силах сказать ни слова. Я совершенно не понимаю, в чем тут дело. Не понимаю, почему он так себя ведет. Ведь я не делала ему ничего плохого. Я вообще ничего ему не делала!

Смотрю ему вслед и поражаюсь, как же сильно он похож на брата. Только тот чуть повыше и не такой злой. Вернее добрый. Да, Игорь у меня добрый.

— Нет, так дело не пойдет! — наконец нахожусь я. — А ну-ка немедленно вернитесь на место, больной!

— И не подумаю никуда возвращаться, — отвечает тот,

выходя за дверь. — На фронт, сестра! Сразу на фронт!

— Нет, вы только посмотрите, какой болван упрямый! — в сердцах даже ногой топаю.

— Просто это любовь, — внезапно и совсем неуместно заявляет лежащий неподалеку пациент. — Очень сильная любовь. Вы уж мне поверьте!

Глава 21 Какая еще любовь?

— Простите, но... вы о чем? — спрашиваю, совершенно теряясь от слов пациента. — Какая еще любовь?

— Очень сильная, — без тени сомнения повторяет он свои слова. — Виктор только и делает теперь, что вздыхает да стихи свои пишет. Просим хотя бы одно прочитать, прячет и говорит не наше дело.

— Но это ведь еще не значит, что любовь, — качаю я головой не в силах принять его слова.

Ума не приложу, какие вообще могут быть чувства, если мы и виделись-то с Виктором Сергеевичем всего-навсего один разок.

Нет, здесь точно какая-то ошибка. Если капитан и любит кого, то уж точно не меня.

Вот только почему он вымещает на мне свою обиду?

— Да что же вы красавица не поймете никак? — вздыхает мужчина и машет рукой, будто отчаявшись. — Запали вы ему в душу. Знаете, как бывает, увидишь человека в первый раз, а чувствуешь, будто всю жизнь только его и ждал. Не выгонишь из головы. Вот и капитану нашему вы приглянулись. Не может забыть никак.

— Но... но ведь это неправильно, — теряюсь от его слов. — Я ведь... Я...

— Да вы в голову-то не берите. Поболее да оправится.

Вы же, барышни, народ такой. Вам лишь бы сердце наше за-получить, а пользоваться уже не надобно. А мы привыкшие. Не одним огнем закаленные...

— Да что же вы такое говорите-то?! — его слова вызывают у меня крайнее возмущение. — Все ведь не так! Все ведь иначе!..

— Да почему же иначе-то, когда так? — искренне удивляется он, будто в жизни так всегда и случается, а я не замечаю. — Ай, да что уж там. С вами все равно толку от разговора не выйдет. Вы лучше рану мою посмотрите. Могу я уже обратно в бой идти или не могу. А то у меня, знаете ли, тоже сердце не на месте, тоже сердце далеко. И надобно оно или нет, только на фронте и узнаю.

— Да как же так, на фронте-то? — проглатываю его слова и продолжаю свое дело — то, зачем я сюда и пришла.

— Сестричка там есть. Красивая... Почти как вы, только краше. Она для меня вообще всего мира краше. Да вот только далеко теперь. А мне надо рядом быть. Понимаете?

— Понимаю, — вздыхаю я. И в первую очередь из-за того, что буду вынуждена его расстроить. — Рана ваша заживет, но медленно. Думаю, что недельки три точно у нас еще по-ложите. Но так надо, вы уж поверьте мне.

— Да верю я вам, верю, — вздыхает он. — Что ж не верить-то? Чай не зла желаете. Да вот только сердце болит, тревожно мне. Чует оно, что пропадает любовь моя. А я тут...

Мужчина тяжело вздыхает и отворачивается к стене. Дает

понять, что на этом разговор окончен. Да и я сама не очень-то хочу его продолжать.

Покидаю палату в растрепанных чувствах. Мне очень неприятно от всего, что случилось. Неприятно то, что сказал мне пациент. Как неприятна и сама ситуация в целом.

Как Виктор Сергеевич вообще мог в меня влюбиться? Ума не приложу. Он ведь сразу, еще при первой нашей встрече, повел себя несколько агрессивно. Гадостей про своего брата наговорил...

А что, если он видел меня раньше? Что, если он знает настоящую Елизавету Павловну?

Нет, вряд ли. Ведь он не подошел ко мне, как к знакомой, не заговорил первым. Да и Игорь Сергеевич, мой Игорь, тоже при первой встрече вел себя так, словно не знал меня.

Нет, Елизавета Павловна точно не была с ними знакома. А Виктор Сергеевич... он просто напридумывал себе всякого. А теперь обижается, злится на меня.

Или он просто завидует брату.

Да, пожалуй, это самая вероятная причина. Пожалуй, все дело именно в зависти.

Захожу в следующую палату и осматриваю больных и раненых. Делаю все на автоматизме. Голова сейчас заполнена совершенно другим.

Сколько не стараюсь выкинуть из головы произошедшее, неустанно возвращаюсь к нему. Перед глазами неустанно всплывает образ капитана. Он необычайно похож на брата.

Только более хмурый и серьезный. И несколько злой.

Наверное, будь Виктор Сергеевич таким же веселым и добрым, его бы с Игорем совсем было бы не отличить. Они оба очень красивы. Но каждый со своей изюминкой. И мне эта изюминка досталась послаще.

От этих мыслей улыбаюсь. Вспоминаю, как прошлым вечером гуляла с Игорем, как мы держались за руки, разговаривали обо всем и ни о чем.

Разве можно было бы точно так же проводить время с Виктором? Разве мог бы он быть таким же нежным и внимательным, как брат?

Мысли медленно, но уверенно уносят меня куда-то не туда. В какой-то момент ловлю себя на мысли, что сравниваю братьев, на полном серьезе размышляя, есть ли из них лучший.

Но я встречаюсь с Игорем! Разве могу я вообще думать о ком-то другом?

Вот только почему-то мысли мои то и дело возвращаются к Виктору.

Чем-то он сумел меня привлечь...

— Елизавета Павловна, вы закончили? — останавливает меня в коридоре Татьяна Николаевна.

— Осталась одна палата, — растерянно произношу я, с удивлением понимая, как много работы сделала совершенно не осознавая, что происходит.

— Я сама ею займусь, — тихо произносит великая княж-

на. — Ступайте отдыхать. Вы сегодня сделали много работы.
— Спасибо вам, Татьяна Николаевна, — киваю я ей и направляюсь прочь.

Хочу отвлечься от мыслей. Хочу заставить себя забыть произошедшее. С этими намерениями направляюсь к ведущей на первый этаж лестнице.

Но в этот момент замечаю Ольгу Николаевну, прижимающуюся к какому-то офицеру и что-то с нежностью ему рассказывающую.

Делаю шаг назад. Не хочу мешать ее высочеству. Но тут же замираю. Ведь офицер оказывается мне знаком.

Причем знаком он мне очень близко.

Глава 22 Показалось

— Ах, что вы говорите? Неужели прям так и сказал? — доносится до меня кокетливый голос великой княжны.

Всматриваюсь в силуэты и только убеждаюсь, что это действительно она. И действительно он.

Рядом с Ольгой Николаевной на самом деле стоит Игорь Сергеевич. Вот только он не прижимается к княжне, как мне показалось изначально, а просто стоит рядом и мило с ней общается.

Возможно даже слишком мило.

— Именно так, ваше высочество, — произносит он полупшепотом. — Попросил, чтобы письмо его супруге отправил, мол в плен взят, но жив.

— А вы? Вы согласились? Отправили письмо? — щебечет княжна. Слово воробышек, завидевший корочку хлеба.

— Да как же я отправить то могу, кол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.